

Завтра война

Александр Зорич

Без пощады

«Автор»

2004

Зорич А.

Без пощады / А. Зорич — «Автор», 2004 — (Завтра война)

Война. Галактическая война. Война менаду Российской Директорией Галактики и тоталитарной планетой Конкордия – недавними союзниками Директории. Война, в которой флот Конкордии выигрывает сражение за сражением, а шансы землян на победу все слабеют. Война, в которой бьются без пощады и без жалости. Потому что враг тоже не пощадит и не пожалеет. Это понимают все. Это – девиз вчерашних выпускников Военно-Космической Академии, сегодня ставших отчаянными боевыми офицерами... Читайте «Без пощады» – продолжение великолепного романа Александра Зорича «Завтра война»!

© Зорич А., 2004

© Автор, 2004

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	26
Глава 3	36
Глава 4	50
Глава 5	60
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Глава 1

«...И молитва вместо гутен морген»

Февраль, 2622 г.

Лагерь нравственного просвещения им. Бэджада Саванэ

Планета Глагол, система неизвестна

Никогда бы не подумал, что лагерь для военнопленных может быть живописен.

Впрочем, ландшафт располагал. Говорят, самые впечатляющие столовые горы на Земле – в Южноамериканской Директории. Я никогда там не бывал (в три года – не считается), ничего не скажу. Зато крымские плоскогорья Мангуп и Чефут я знаю как свои пять пальцев.

И вот если каждую крымскую столовую гору увеличить по площади раз в десять... поставить таких гор побольше... и сделать их повыше... получится нечто отдаленно похожее на пейзажи той дыры, куда забросила меня судьба-злодейка.

На восточном краю плоскогорья белела цитадель. Выстроена она была из тесаных блоков натурального камня. Это вам не прозаический пенобетон.

Цитадель имела в плане форму трапеции. Длинное основание трапеции было обращено к ущелью, отделяющему плато от соседней горы. Короткое – к зоне содержания военнопленных.

Четыре башни по углам, пятая – в центре.

В центральной башне располагался узел связи, радары контроля воздушной обстановки и пара зенитных установок. У основания башни находились казармы охраны, крошечный госпиталь, кухня, гаражи и два красивых дома, тоже каменных. Один для пехлеванов, другой – для заотаров.

В цитадели жили конкордианцы. Мы, пленные офицеры Объединенных Наций, занимали жилые блоки, расположенные двумя группами к западу от цитадели.

Шестая башня – круглая, приземистая, конкордианцы называли ее дахма – стояла особняком. На вершину дахмы кладут покойников, чтобы их плоть стала добычей хищных птиц, а кости были как следует отбелены ветрами. И хотя в горах, да, вероятно, и на всей планете хищные птицы не водились, это не могло заставить конкордианцев отступить от духа и буквы своей религии.

За время моего пребывания в лагере на вершине дахмы оказались останки четверых. Но об этом я расскажу позже.

Свобода наших перемещений была ограничена только воротами цитадели. Но и через эти ворота нас пропускали – в составе хозяйственного наряда. Три раза в сутки наряд получал пищу на весь лагерь. Раз в два дня выдавались сигареты, раз в неделю менялось постельное белье.

Попасть на плато, где находился лагерь, можно было тремя путями.

Первый: прилететь на вертолете.

Второй: прийти на своих двоих. Западный склон горы был в отличие от обрывистого восточного сравнительно пологим. Конечно, не бульвар, но пролезть можно. Без риска переломать руки-ноги.

Третий: приехать. Для этого существовал мост, примыкающий к цитадели и полностью отгороженный ее стенами от сектора проживания военнопленных. Мост – очень красивый, ажурный, воздушно-хрупкий – соединял нашу гору с соседней. Там дорога пересекала плато и спускалась серпантином вниз, в невидимую из нашего лагеря долину.

Именно по этой дороге, в закрытых армейских грузовиках, в лагерь и привозили плен-ных.

Космодром находился где-то далеко, за щербатой горной грядой глубокого черно-синего цвета, которая занимала весь восточный сектор горизонта. Космодром ничем не выдавал своего присутствия.

Местная инфраструктура представлялась мне в высшей степени странной. Зачем было выносить наш лагерь в такую тмутаракань? Стоило ли строить километровый мост с одной горы на другую, если дорога в итоге вела в тупик, заканчиваясь цитаделью?

Почему мы не бежали из лагеря?

Чем занимались в плену?

Подвергались ли психическому давлению или физическим воздействиям со стороны конкордианцев?

Когда пришло время, я ответил на каждый из этих вопросов раз по сто. Устно и письменно.

Занятие, как обычно, вел майор-воспитатель Кирдэр – маленький блондин, всей своей внешностью опровергающий расхожие предрассудки о том, что клоны похожи на скандинавских берсерков с головами азербайджанцев.

Впрочем, Кирдэр, строго говоря, клоном не был. Что и понятно: все офицеры-воспитатели в нашем лагере принадлежали к касте заотаров.

– А теперь, господа, скажите мне... – майор прищурился и сделал паузу, – ...что есть три первейшие добродетели?

Кирдэр не стал добавлять «в учении Заратустры» или, скажем, «в нашей вере». К этому мы уже привыкли: когда конкордианец задает вопрос из области этики, религии или богословия, он всегда имеет в виду *свои* этику, религию, богословие. Другие для него существуют лишь как малоинтересные отрасли гуманитарного знания, из которых можно почерпнуть факты для обогащения общей эрудиции.

Итак, три первейшие добродетели. Это я знаю. Я поднял руку. Краем глаза заметил, что меня на полсекунды опередил лейтенант Костадин Злочев.

По лицу Кирдэра скользнула тень недовольства.

– Та-ак... Злочев – раз. Пушкин – два. Ходеманн – три. Свинтилов – четыре. Маловато для аудитории из двадцати пяти человек, не так ли? А ведь этот вопрос мы с вами разбираем уже две недели. И я не поверю, что офицеры, получившие великолепное образование в лучших академиях Великорасы, не в состоянии запомнить таких элементарных и в то же время душеполезных вещей. Вот вы, господин Степашин, разве еще не запомнили три первейшие добродетели?

– Запомнил, ашвант Кирдэр, – буркнул Степашин. Между прочим, старший лейтенант сил особого назначения, более известный в нашем бараке как Лева-Осназ.

Не повезло ему ужасно – в первые же минуты войны их казарма на Лючии была накрыта залпом главного калибра конкордианских линкоров. От роты осназа остались ножки да рожки. Сам он с осколочными ранениями и тяжелой контузией провалялся два дня среди руин, пока его не унюхали псы-разведчики конкордианского десанта. То есть в этом-то как раз повезло – иначе он так на месте и дошел бы, не приходя в сознание. А вот повоевать ему не случилось. Столько лет человек готовился – и все, как оказалось, ради того, чтобы слушать лекции в лагере нравственного просвещения.

– Почему же тогда не поднимаете руку, господин Степашин?

– Не нахожу нужным.

– Вот как? Почему же? Почему ваши товарищи Злочев, Пушкин, Ходеманн, Свинтилов находят нужным, а вы нет? Впрочем, – перебил сам себя Кирдэр, – это ваше право. Можете не ставить меня в известность об объемах своих знаний. Но приказы персонала лагеря обязаны выполнять беспрекословно... Старший лейтенант Степашин!

– Я!

Лева-Осназ встал по стойке «смирно». Таковы правила игры: если солдату оставлены военная форма и знаки различия, значит, он и в плену остается солдатом, выполняющим приказы начальства. Даром что начальство поменялось – но дисциплину-то никто не отменял! Вот то-то же.

– Назовите три первейшие добродетели!

– Слушаюсь, ашвант Кирдэр! Три первейшие добродетели – благая мысль, благое слово, благое дело!

– Хорошо... Старший лейтенант Степашин!

– Я!

– Как звали третью жену Заратустры?

А вот это уже завал. Кто же ее упомянет, третью-то?

Но старлей на удивление четко ответил:

– Хлоя, ашвант Кирдэр!

– Созвучно, но не совсем верно. Хлоя – имя библейское, а не авестийское. Кто поможет старшему лейтенанту Степашину? – Кирдэр обвел взглядом нашу полянку для занятий.

«Кто поможет»! Ну точно как в школе! Трогательно – до слез...

Теперь уже мы с Ходеманном и Свинтиловым руки не тянули. Один только Злочев с легкой улыбкой превосходства сигнализировал правой ладонью: «А я все знаю! Все знаю я! Потому что я из Глобального Агентства Безопасности, да-да-да! И специализация моя – Конкордия!» И хотя Костадин мало чем походил на моего душевного друга Кольку Самохвальского, эта черточка – знать все обо всем – их роднила.

Вспомнил я оболтуса Кольку, вспомнил тот день, когда считал его сгинувшим без следа, а себя – спасенным из плена, вспомнил, как все перевернулось за каких-нибудь десять минут... В итоге без следа сгинул я – с точки зрения Кольки и всего нашего 19-го отдельного авиакрыла. А Колька, поди, благополучно вернулся на авианосец да еще орден огреб за удачную атаку «Балха»...

Если и впрямь вернулся. Откуда мне знать – ушли тогда «Три Святителя» в Х-матрицу или их долбанули напоследок так, что одно реликтовое эхо осталось?..

– Нет, Злочев, нет. Я, пожалуй, до конца занятия попрошу вас себя не утруждать. То, что вы знаете все ответы на мои вопросы – какие есть и какие будут, – явствует из вашего удостоверения военнопленного. Аббревиатура ГАБ мне знакома. А я бы хотел услышать... хотел бы услышать... ответ кого-либо из господ старших офицеров. Скажем, капитана второго ранга Щеголева.

Кавторанг Щеголев – командир полка торпедоносцев 32-го авиакрыла 3-й воздушной армии (бывший командир бывшего полка – часть утеряна в Кларо-Лючийской оборонительной операции в полном составе вместе со знаменем).

Кавторанг Щеголев – человек в возрасте. Карьера не сложилась, жена ушла, дочь сбежала к одному из многочисленных левацких гуру в Лос-Анджелес – да так и с концами. Все это сломало мужика еще до начала войны. Ну а клоны довершили работу судьбы, за три дня боев распылив по высоким орбитам Лючии двадцать шесть из двадцати восьми торпедоносцев Щеголева, которым пришлось действовать без сопровождения истребителей.

Двадцать седьмой свалился на Лючию из-за преждевременной выработки топлива.

Двадцать восьмой – под командованием Щеголева – выпустил обе торпеды в десантный авианосец. Одну торпеду неприятель сбил, другая попала в цель, но не взорвалась. (О качестве наших торпед типа ВТ-500, произведенных в конце прошлого века, разговор отдельный.)

Тогда экипаж торпедоносца, сойдясь с командиром на том, что погибать надо с музыкой, пошел на таран. И плакала бы конкордианская десантура, если бы не один-единственный снаряд из твердотельной пушки, который разрушил в торпедоносце Щеголева носовой узел

маневровых дюз. Десантный авианосец успел дать полную тягу, уклоняясь от столкновения, а вот Щеголеву не хватило пары градусов доворота, чтобы зацепить его хотя бы крылом.

Потом неуправляемый торпедоносец нагнали истребители. Оpozнав по шевронам на оперении машину комполка, они для начала снайперски расстреляли кормовую огневую точку, а потом предложили сдаться. Второй пилот согласился, Щеголев – отказался, но второй пилот, нарушив приказ командира, катапультировал обоих. В открытом космосе их и подобрали. По иронии судьбы второй пилот попал в руки конкордианцев мертвым – у него, оказывается, был дефектный скафандр с микротрещиной.

В результате всех этих злоключений Щеголев пребывал в глубокой апатии. Кирдэр, из уважения к возрасту и душевным ранам кавторанга, не третировал его прямыми приказами. Но и не очень-то с ним нянчился.

– Капитан второго ранга Щеголев, повторяю вопрос. Как звали третью жену Заратустры?

И вдруг прозвучал ответ кавторанга:

– Третью жену Заратустры звали Хвови. Хвови была дочерью Фрашаостры. Фрашаостра был родственником Джамаспы. Джамаспа был мужем Поуручисты. Поуручиста была младшей дочерью Заратустры...

Не только мы, но и Кирдэр слушали Щеголева, разинув рты. Злочев не сдержался и громко присвистнул. Он-то все это знал – по долгу службы, но кто бы мог подумать, что Щеголев, похожий на живую мумию, так внимательно слушает лекции Кирдэра?!

Рассказав еще кое-что про Виштаспу – царя, чьим советником был Джамаспа, а также про супругу его царицу Хутаосу, Щеголев остановился и спросил у Кирдэра:

– Достаточно?

– Да, благодарю вас, господин капитан второго ранга. Я бы сказал «можете садиться», но вы и без того сидите. Я был бы признателен, если бы в следующий раз вы отвечали стоя.

– А я был бы признателен, если бы вы оставили меня в покое, майор.

Кирдэр с подчеркнутым вниманием смотрел на Щеголева.

– Я боюсь, что форма и содержание вашей просьбы нарушают дисциплинарный регламент лагеря. Вы получаете предупреждение. Напоминаю, что при получении второго предупреждения вы будете переведены на пять суток в изолятор.

Кирдэр направил пульт дистанционного управления на Щеголева и нажал одну из кнопок. Из нагрудного кармана Щеголева донесся мелодичный голосок удостоверения личности: «Получено первое предупреждение. Администрация лагеря нравственного просвещения имени Бэджада Саванэ сожалеет, что капитан второго ранга Щеголев нарушил дисциплинарный регламент, и надеется, что наш гость сделает для себя правильные выводы на будущее».

Щеголев выводы сделал.

Не успело удостоверение дойти до «нарушил дисциплинарный регламент», как кавторанг, побелев, выхватил его из кармана и принялся рвать в клочки. Точнее, попытался порвать в клочки, поскольку удостоверение представляло собой толстую карточку из эластичного, но чудовищно крепкого пластика.

После нескольких неудачных попыток Щеголев вконец расвирепел, бросил его на землю и принялся топтать, не проронив ни звука.

При этом он так и не поднялся на ноги. Его зад комично подсакивал на деревянной скамейке. Казалось, Щеголев танцует адаптированный гопак для сидячих паралитиков.

– Немедленно прекратите! – забыв о присутствии Кирдэра, напустился на него каперанг Гладкий, старейшина нашей группы. – Как вам не стыдно?! Возьмите себя в руки!

Кирдэр пожал плечами.

– Вы получаете второе предупреждение, – сказал он.

Неубиенная карточка из-под каблуков Щеголева затянула по-новому: «Получено второе...»

Хлоп! Бух!

«...администрация...»

Топ! Туп!

«...сожалеет...»

Я почувствовал, что покраснел, как вареный рак. Наблюдать подобное поведение старшего офицера мне еще не доводилось. Проклятая война!

На поляне появился наряд охраны – четыре рослых дема в усилительных костюмах и при универсальных дубинках (с нелетальным ядом в иглах на торце и другими примочками).

Один тычок дубинки – и Щеголев, получив свою каплю парализующего яда, мгновенно затих и начал валиться лицом вперед.

Сволочные демы не спешили его ловить, так что, если бы не отменная реакция каперанга Гладкого, бедолага непременно расквасил бы себе нос.

Я тоже не растерялся: подхватил с земли, быстро отряхнул и засунул в нагрудный карман Щеголева его ни в чем не повинное удостоверение.

Клоны (да и если б только они) задвинуты на всяких документах, а потому чем быстрее им будет продемонстрировано уважительное отношение к их вонючей пластиковой карточке, тем меньше тычков и пинков достанется бедному кавторангу – так я думал.

А еще я, если честно, боялся, как бы охрана не начала молотить дубинками всех нас без разбору. В подобной ситуации боль – ничто по сравнению с унижением.

Впрочем, обошлось. Наряд принял из рук Гладкого бесчувственное тело Щеголева и поволок его по направлению к цитадели, в изолятор. А фанфары точного времени возвестили, что подошел к концу тридцать четвертый локальный час. Это значило, что очередное занятие с Кирдэром миновало и сейчас нас ожидает обед.

А между обедом и ужином – о счастье! – мы будем полностью предоставлены сами себе. Потому что, как нас предупредили еще на утреннем построении, в цитадель прибывает большой конвой с космодрома и всем, включая заотаров, будет не до нас.

Конвой был немаленький – два десятка грузовиков.

Что они привезли, оставалось только гадать. По крайней мере для той крошечной порции новых военнопленных, что была доставлена в лагерь конвоем, хватило бы и одной машины. Ради этой горстки клоны новый жилблок распечатывать не стали, а распределили новеньких по одному – по два в уже имеющиеся группы.

Достался новенький и нам.

Я даже не понял, был он с нами у Кирдэра или нет. Когда мы покидали «зеленый класс» (о, клонская терминология!), где в тени платанов проводились наши занятия, я заметил одного незнакомого пилота. Он в растерянности стоял на отшибе. То ли сидел на занятии в заднем ряду и быстрее всех поскакал в направлении столовой, а потом передумал и решил оглядеться по сторонам, то ли только что выполз из цитадели, с собеседования у коменданта лагеря...

Потом он снова куда-то подевался, и увидел я его только сорок минут спустя, за обедом. Был он явно русским, почти наверняка – не москвичом.

Он вошел в столовую, оглядел ее исподлобья и нашел свежесвободившийся стол, за которым только что отобедали пилоты-штурмовики из все того же печально известного 32-го авиакрыла 3-й воздушной армии, в котором Щеголев командовал торпедоносцами. Только в отличие от торпедоносцев штурмовой полк успел сделать боевых вылетов меньше, чем имел флуггеров на начало войны. Половину машин они потеряли на земле под заправкой, еще четверть – на взлете.

Одним резким движением новенький сдвинул всю грязную посуду на край, хлопнул о стол подносом и сел.

Судя по комбинезону (летняя форма № 3, нательная поддевка под скафандр), он был взят в плен непосредственно во время боевого вылета. По своему опыту я знал, что любой пленный пилот, пробывший в лагерях хотя бы сутки, получает возможность подобрать удобное повседневное обмундирование по своему размеру, привезенное с наших трофейных складов. «Значит, – заключил я, – он только что из боя. Где же его подстрелили, бедолагу?»

Мне захотелось оставить своих новых друзей – Людгера Ходеманна и Артема Ревенко – в компании неплохих галет и безвкусного киселя и подойти к новенькому, расспросить, что да как там, в Пространстве. Бьем ли мы наконец клонскую сволочь или как обычно? Доколе отступать будем, брат? Далеко ли до Победы?

Но одно соображение меня удержало.

Наплечные и нарукавные знаки различия на комбинезоне летной формы № 3 не предусмотрены. Только на левом нагрудном кармане помещается нашивка со званием и фамилией пилота.

Выходит, что, когда пилот одет в такой комбинезон, уже с десяти шагов невозможно отличить сопливого летеху от каперанга.

Будь я твердо уверен, что новенький принадлежит к младшему офицерскому составу, я бы подошел. Но если он из капитанов... если из капитанов – а это вполне возможно, учитывая его матерый вид, – тогда лучше его сейчас не трогать. Привыкшие командовать целыми стадами флугтеров, а теперь вынужденные подчиняться командам клонских сержантов, старшие офицеры в плену мучились втрое от младших. На большее, чем «не травите душу, младлей», я вряд ли мог рассчитывать.

Потом меня заболтали Ревенко и Ходеманн, и я временно отвлекся от созерцания спины вновь прибывшего.

Тема и впрямь была интересная: что сейчас происходит в наших оккупированных колониях?

– Ничего. Ничего не происходит, – талдычил Ходеманн. – Все просрано. Капут, капитуляция! Я!

Говорил он по-русски в целом сносно, только ударения переставлял: «происходит», «просрано». Смысл от этого, ясное дело, не менялся, оставаясь рельефным и выпуклым, как надгробие с ангелочками. Еще Ходеманн любил подурачиться, нарочно кривляясь «как немец». Это экономило ему усилия по припоминанию русских падежей и спряжений (которые он называл «снаряжениями»).

– А не поставить ли, Саша, нам Людгера к стеночке? За пораженческие настроения? – ухмылялся Ревенко. – Я вот, между прочим, своими глазами видел, как танковая дивизия – ты можешь себе представить? целая дивизия, да еще с частями усиления! – уходила в леса на Грозном. А ты знаешь, какие там леса? – Это уже Ходеманну. – Вечнозеленая сельва со вторичным слоем «надлеска»! С воздуха не видно ничегошеньки! Круглый год!

– Панцердивизия? Капут панцердивизия, – невозмутимо отвечал немец. – Искать из космос инфрароттен след... инфракрасный, ја... пускать ракета... пускать сто ракет... пафф! и нет дивизия!

– Чушь, Людгер, чушь. Сразу видно, что ты истребитель-перехватчик, не многоцелевик. В разведке наземных целей ни черта не смыслишь! В лесах Грозного ты танки просто так не засечешь, даже если они маскироваться не будут. А у наших был еще и инженерно-саперный батальон со всей штатной техникой. Они тебе не танк, целый фрегат так замаскируют, что ты на нем будешь грибочки собирать – и то ничего не заподозишь!

– А как так получилось, – поинтересовался я, – что клоны при условии господства в космосе и воздухе не выбомбили всю дивизию до того, как она успела уйти в леса?

– Не было у них полного господства, Саша. На Грозном ведь дислоцирован дивизион субмарин противокосмической обороны. Знаешь, есть такие, типа «Юрий Долгорукий»?

– Я думал, их уже все списали.

– Я тоже думал. А на самом деле они с конца десятых годов стояли на консервации в Дудинке!

– Где-где?

– Есть такая дыра на Енисее. Там еще в двадцать первом веке построили замаскированное убежище для стратегических ракетных подлодок, чтобы американцы не накрыли их первым ударом на старых, давно известных базах. Так вот, представь себе, в прошлом году «Долгорукого» и три его сестершипа расконсервировали, вооружили первоклассными противокосмическими ракетами, укомплектовали экипажами и отправили «большими гансами» на Грозный...

«Большие гансы» – это легендарные войсковые транспорты европейского (то есть германского) производства. Ну очень большие. В главный грузовой отсек «большого ганса» можно уложить оба небоскреба гостиницы «Русь», и еще останется место, чтобы спокойно летать туда-сюда на вертолете.

Я думал, что, услышав о «гансах», Людгер не преминет вернуть что-нибудь из своего любимого репертуара. Насчет того, что Россия такая большая и сильная, а все равно без немцев даже ржавую U-bote с планеты на планету перевезти не может. Но Людгер помалкивал, а Ревенко продолжал:

– Выгрузили их и поставили на боевое дежурство. Причем сделали это по-умному, втихую. В нашем гарнизоне даже слухов о прибытии подлодок не было. Сам понимаешь, разведка клонов их и подавно проморгала. Так что силенок им хватило только на то, чтобы подавить нашу наземную противокосмическую оборону и высадить десанты. Ребята на субмаринах быстро оценили обстановку, выследили на орбите их тяжелые авианосцы и ка-ак жажнули! Клоны ожидали чего угодно, но только не удара из-под воды! У них, ты же знаешь, аналогичных систем вообще нет. Эскадра прикрытия с перепугу ретировалась. Тех флуггеров, что они успели доставить на наземные космодромы для поддержки десанта, хватало ровно на то, чтобы отбивать наши контратаки. Но провести решительную операцию на полное уничтожение нашей дивизии они уже не смогли. Не хватало сил. Ну а «Юрий Долгорукий» со товарищи стреляют по флуггерам в атмосфере плохонько, у них ракеты заточены на более серьезные цели. Вышло так, что в воздухе преимущество у клонов, а на земле – у нас. В итоге мы не смогли отбить столицу Грозного танковыми атаками, они – разгромить нашу дивизию. Чтобы выйти из оперативного тупика, клонам пришлось срочно перебрасывать на планету дополнительные ракетные части. И это – под обстрелом с подлодок! Жаль, наши боезапас сэкономили, не смогли создать такую плотность противокосмического огня, чтобы переколошматить все десантные корабли... Так что клоны кое-как накопили силенок для наступления. Но наши, как только дело запахло жареным, успели откатиться на полтысячи километров и – в леса. Мы на последних флуггерах, действуя с замаскированной взлетной полосы, их отход обеспечивали. Завалил я два клонских штурмовика, а потом и меня завалили. Так что чем кончилось, я не знаю, но в двадцатых числах января дивизия еще жила. Да и подлодки наши, вероятно, тоже. И клоны тогда еще ничего на Грозном не контролировали, кроме столицы, Новогеоргиевска.

Людгер наморщил лоб и, напрягшись, ответил уже серьезнее, хотя под конец его снова занесло:

– Артем, это все херня, извини, пожалуйста. Танки не могут без обеспечения долго. Сгореть последнее топливо – все в плену. Аллес капут, stalag¹ и молитва вместо гутен морген.

«Молитва вместо гутен морген» – это он точно подметил. Мы рассмеялись горьким смехом военнопленных.

¹ принятое сокращение от Stammlag, концлагерь (нем.).

– А представьте, коллеги, – сказал я, – если их оккупационный режим в колониях работает по образцу нашего лагеря? Это, значит, так. Понедельник: материализация Абсолютной Чистоты. Вторник: чемпионат по эрудиции. Сколько лапок у майского жука-мутанта с Андобанда? Почему космос черный? Как звали третьего монарха династии Сасанидов?.. Среда: все население колонии слушает лекцию о пламенном герое Бэджаде Саванэ.

– А в четверг, – подхватил Ревенко, – массовый просмотр репортажа об успехах мелиораторов Трайтаоны. Миллион километров осушенных болот! Триллионы комаров остались без крова и немедленно издохли, паскудные хфрастры!

– Натюрлих, – кивнул Ходеманн. – А в пятницу – расстрелять тех, кто прогулять лекцию в среду.

– Да ладно тебе. – Я скривился. – Это из другой оперы, Людгер.

– Вот-вот, – поддакнул Ревенко. – Ты хоть раз слышал, чтобы клоны кого-то из наших расстреляли? Им это совершенно не нужно!

– Нужно не нужно – придется, – сказал Ходеманн мрачно.

Мы с Ревенко подбросили еще пару вялых шуточек, но от невеселых пророчеств Людгера настроение основательно испортилось.

– Идем в барак, стратеги, – предложил я, допивая кисель.

Казарменного типа домик, в котором жила наша группа, был всем хорош и пригож, грех жаловаться. Официально он именовался жилым блоком. Но из глубин коллективной исторической памяти всплыло и насмерть приклеилось к нашему жилью невеселое татарское словечко «барак».

Там уже собрались на послеобеденный отдых все наши. Не хватало только кавторанга Щеголева, которому теперь предстояло пять суток маяться в изоляторе. У изолятора были свои плюсы (не надо ходить на лекции Кирдэра), но имелись и два крупных минуса.

Во-первых, в изоляторе отсутствовали окна. Как ни хорохорься, как ни храбрись, а это психику калечит. Не за один раз, но все же.

Во-вторых, в изолятор запрещалось приносить книги из лагерного культблока. О, книги в изоляторе имелись, почему нет! «Ясна», «Гаты», «Дисциплинарный регламент офицерских лагерей Главного Управления Лагерей Народного Министерства Обороны Конкордии» и, конечно же, «Шахнаме». Тот самый шикарный том на русском языке, который конкордианцы щедро раздаривали нашим делегациям накануне войны!

Я сам, к счастью, пока что в изолятор не попадал. От такого круга чтения и ласты склеить можно. Бедный Щеголев!

В бараке, вместо мирного ничегонеделания с какой-нибудь хорошей книжкой (я их нагреб целую тумбочку, чтобы лишний раз не бегать в культблок), меня, увы, ожидал отдых активный: драка и другие незапланированные телодвижения.

Когда мы вошли, там уже разворачивалась драматическая сцена. Так что получилось «Явление надцатое. Те же и Пушкин, Ходеманн, Ревенко».

В проходе между кроватями лицом к двери стоял новенький. Вокруг него в экспрессивных, я бы сказал – просто-таки микеланджеловских позах застыли несколько наших – я сразу узнал со спины Леву-Осназа и Тихомирова. Был там и каперанг Гладкий.

Остальные – человек пятнадцать – лежали на кроватях, с интересом болельщиков следя за развитием событий.

А события развивались так.

– ...собрались одни пораженцы! – орал новенький, вроде бы ни к кому конкретно не обращаясь. – Сдались клонам в первом же бою! Без единого выстрела оставляли города! Целые планеты! И вы смее называть меня провокатором?! Меня?!

– Повторяю, капитан-лейтенант, – отчеканил Гладкий, повышая голос. – Немедленно успокойтесь! Степашин принесет вам свои извинения. Но для начала вы должны выполнить приказ старшего начальника и замолчать.

«Ну и денек выдался... – подумал я. – Сперва Щеголев сорвался, теперь этому неймется... Переодеться еще не успел, а уже в бутылку лезет... И не стыдно: капитан-лейтенант все-таки, комэск небось. Не-ет, наш Готовцев себе такого *никогда* не позволил бы».

Я не успел толком разобраться в ситуации, но ощутил неожиданно сильный прилив злости. Как всегда, особенно обидно было слышать «сдались клонам в первом же бою», потому что применительно ко многим из нас это было чистой правдой. Взять хотя бы меня...

Капитан-лейтенант и не думал подчиняться приказам Гладкого.

– Пр-ровокатор... – рычал капитан-лейтенант, даже не взглянув в сторону каперанга. – Дерьмо собачье! Вы что, думаете здесь конца войны дожидаться?! На наших же трофейных харчах досидеть?! Там целые эскадры на смерть идут, в пекло! Восемьсот Первый парсек в огне! Зелень всякую со вторых курсов сгребают, чтобы было кого в вылет выпихнуть! Американцев уже выписали, докатились! А вы, кадровики...

– Ну хватит, – выдохнул Лева-Осназ, багровый, как буряк. – Придется вам, товарищ капитан-лейтенант, немного отдохнуть... уж не обессудьте...

С этими словами он сделал шаг вперед. Можно было не сомневаться: сейчас последует эффектный прием из богатого осназовского арсенала, после которого скандалист наконец заткнется. И промолчит часок-другой.

Увы, у капитан-лейтенанта была хорошая интуиция. А уж реакция – просто выше всяких похвал.

Удар! – и Лева-Осназ, не ожидавший такой прыти, падает на спину, а капитан-лейтенант, перепрыгнув через кровать, страхует себя от немедленного возмездия со стороны Тихомирова.

Все вскочили на ноги.

– Это уже переходит все границы! – грохочет каперанг.

Я сам не заметил, как в два прыжка оказался рядом с буйном. Лева-Осназ к тому моменту снова был на ногах, но я его опередил.

– Саша, стой! – крикнул мне в спину Ревенко.

Но было поздно.

Заводной капитан-лейтенант хотел вмазать и мне, но я был готов к такому обороту событий. Его кулак прошел в двух пальцах от моего виска, а вот мой хук достиг цели.

Хрясь!

Воспользовавшись тем, что я на секунду оглушил смутьяна, на него навалился Лева-Осназ.

Через полминуты обездвиженный медвежьими объятиями Левы и вмиг присмиревший капитан-лейтенант уже извинялся. В первую очередь перед начальником группы – Гладким. Во вторую – перед Лево-Осназом, то есть, простите, старшим лейтенантом Львом Степашиним.

Мне было донельзя стыдно, что пришлось ударить старшего по званию. Не знаю, что на меня нашло... Но уж больно это мерзкое зрелище: офицер в истерике. Тьфу.

– Как его хоть зовут? – спросил я тихонько у Злочева, отводя его за локоть в сторонку. Почему-то в ту минуту это мне казалось самым важным.

– Капитан-лейтенант Богдан Меркулов. Вроде как истребительный комэск с «Нахимова».

– Контуженный, что ли?

– Может быть. Хотя... Хотя скорее всего просто...

– Что – просто?

– Ну, расстраивается, что в плен попал.

У них в Глобальном Агентстве Безопасности все «просто». Но готов спорить, на каждый случай у Злочева сотня задних мыслей, всяких «соображений». Свои соображения по поводу

тихой истерики Щеголева, громкой истерики Меркулова, а также относительно прибытия сегодняшнего конвоя и даже участия скромного, уравновешенного младшего лейтенанта Пушкина в происшедшей только что драке.

Именно так. Один раз по морде врезал или сорок один – все равно, в рапорте так и пишется: «участвовал в драке, первым ударил старшего по званию...»

– А что послужило поводом? – спросил я.

– Понимаешь, он еще представиться не успел, а уже начал выспрашивать о перспективах побега. Ему сперва пару раз намекнули, а потом и открытым текстом сказали, что такие вещи всерьез здесь обсуждать нельзя. А он все не унимается. Тогда Лева-Осназ у него полушутя так спросил: «Товарищ, а вы не провокатор, случайно?» Тут он и взорвался.

Тем временем, приняв извинения от Меркулова и оставив Степашина что-то добродушно гудеть на ухо капитан-лейтенанту, к нам присоединился Гладкий.

– Значит, так, Пушкин, – вполголоса сказал он. – Я это всем говорить буду, но вам сообщаю персонально как участнику драки. – О, я знал! «Участник драки», а как же. – Российские офицеры выясняют отношения тремя способами. Первый: словесно. Второй: через рапорт вышестоящему начальству. Третий: на дуэли с применением защитной одежды и холодного оружия установленных образцов. Рукоприкладство категорически запрещено! По отношению к младшему или равному по званию оно квалифицируется как превышение служебных полномочий. По отношению к старшему, в зависимости от ситуации, – как злостное хулиганство либо мятеж. Понятно?

– Так точно, товарищ капитан первого ранга! Разрешите обратиться?

– Да.

– Капитан-лейтенант Меркулов игнорировал ваши приказы и превысил служебные полномочия в отношении старшего лейтенанта Степашина! Своими действиями капитан-лейтенант Меркулов оскорбил честь мундира офицера российского военфлота!

– Возможно, – кивнул Гладкий. – Но вопрос об оскорблении чести мундира должен решать товарищеский суд, а не распоясавшийся младший лейтенант. В любом случае вы были не правы, Пушкин. Потрудитесь извиниться перед капитан-лейтенантом Меркуловым!

К нашему разговору, который теперь велся в полный голос, прислушивался весь барак. Не исключая и Меркулова.

– Товарищ каперанг, разрешите?... – сказал он. Лева-Осназ больше не держал его, капитан-лейтенант подошел к нам.

– Да.

– Я так понял, фамилия этого товарища Пушкин?

– Да.

– Не Александр, случайно? – Меркулов усмехнулся.

– Именно так. – Гладкий кивнул. В уголок его губ тоже вильнула хвостиком улыбка.

Я понял: грозовые тучи рассеялись. И позволил себе встрять в разговор капитанов:

– Отчество мое Ричардович. Не Сергеевич.

– Как ты догадался?! Именно это я и хотел спросить! – хохотнул капитан-лейтенант. – Ну а меня зовут Богдан Меркулов. Как раз Сергеевич. Будем знакомы.

С этими словами капитан-лейтенант протянул мне свою квадратную, поперек себя шире ладонь с невообразимо толстыми пальцами. Я, чуть замешкавшись, ответил на рукопожатие. (На самом деле это тоже против правил: капитаны не подают руки малознакомым младшим офицерам.)

– Извините, товарищ капитан-лейтенант, что я вас... – поспешил сказать я, косясь на нахмурившегося Гладкого. – Что я допустил в отношении вас неуставные действия! Неадекватно оценил ситуацию, каюсь.

– Брось, – отрезал Меркулов. – Молодец, удар хороший. В ушах звенит... Все, забыли. Но, товарищ капитан первого ранга, – это он уже Гладкому, – все-таки скажу вам откровенно: пусть я десять раз грубиян, а в этой дыре засиживаться не собираюсь. И никому не рекомендую. Намерен с сего момента днём и ночью искать пути к освобождению!

Через плечо Меркулова я видел, как Лева-Осназ скроил рожу и покрутил пальцем у виска.

Гладкий не мог себе позволить подобных вольностей, но, готов спорить, подумал о том же самом.

– Похвальные намерения, капитан-лейтенант, – спокойно сказал он. – Но я бы рекомендовал вам для начала войти в курс наших дел. Отчетливее уяснить себе диспозицию. Вы не против?

– Не против! Этого я и хотел, но товарищ из осназа почему-то назвал меня провокатором!

– Тогда сделаем вот как... – Гладкий на секунду задумался, а потом обратился ко мне не по-уставному, тем самым давая понять, что инцидент с рукоприкладством признается полностью исчерпанным: – Саша, я вас прошу совершить с капитан-лейтенантом небольшой моцион. Сводите его на западный край плато, покажите желтые таблички, покажите красную... Проведите немного по тропе... Введите в курс, одним словом. Хорошо?

«Плакали мои книжки...» – подумал я.

– Разумеется, Никтополион Васильевич... То есть так точно, товарищ капитан первого ранга!

– Товарищ капитан-лейтенант, не обижайтесь, но ни в коем случае нельзя обсуждать вопросы побега в бараках. И вообще на территории лагеря. Здесь наверняка все прослушивается. А даже если и не все... – Я замялся.

– Что?

– Неприятно это говорить... Но... Но, возможно, кто-то из наших товарищей согласился... или в будущем согласится... на сотрудничество с клонами...

– Стукачи?! – ахнул Меркулов. – Кто?!

– Тише, тише. Я не сказал, что они есть. Но они могут быть. Или *могут появиться*.

– Да я голыми руками!.. гада!..

«Ну и тип. Как он умудрился до капитан-лейтенанта дослужиться и ни разу не загремел обратно в летежи по неполному соответствию? При таком характере!»

– И я, товарищ капитан-лейтенант. Но если не знаешь, кто этот гад, а он тем временем на тебя стучит коменданту, то согласитесь...

– Чепуху мелешь, лейтенант... Не может такого быть, чтобы русский офицер продался этим выродкам! – Меркулов явно переключился на диалог с внутренним голосом, не со мной. – Не-ет, такому никогда не быть!

Аргумент был веский, ничего не скажешь. Оставалось только согласиться.

– Я тоже в этом уверен.

Мы шли длинным проходом между двумя сетчатыми заборами. Этот проход, рассекающий лагерь надвое, находился под постоянным наблюдением из цитадели.

Лейтенант Тихомиров, знаток и ценитель античности, уверял, что такая центральная улица в римском военном лагере называлась «виа претория». Это мудреное название не прижилось, а вот «Тверская», как окрестил ее Лева-Осназ, подхватили все.

Итак, прошли мы с Меркуловым по Тверской и уперлись в турникет Западного КПП.

Кроме этого символического препятствия, ничто не мешало военнопленному покинуть территорию лагеря в любое время дня и ночи. Не было там ни собак, ни автоматчиков, ни многорядной проволоки под током, ни колониальной экзотики вроде живой изгороди из трай-таонских хищных лиан.

Удивительно?

Да.

Я достал свое удостоверение и засунул его в щель сканера. Створки турникета разошлись в стороны. Пройдя через КПП, я достал удостоверение из лотка, в который оно было выплюнуто, и положил обратно в нагрудный карман.

«Вы покидаете территорию лагеря нравственного просвещения им. Бэджада Саванэ. Напоминаем, что ближайшее мероприятие – ужин – состоится через один час тридцать восемь минут. Ближайшее контрольное мероприятие – построение перед вечерней молитвой – состоится через два часа тридцать восемь минут. Приятной прогулки!»

– Чтоб тебе сдохнуть, – проворчал Меркулов.

Итак, мы на свободе. Жилблоки, санблоки, пищеблок, спортплощадки, раскидистые платаны, погребальная башня-дахма и, главное, цитадель – все осталось за спиной.

Повторяю: *на свободе*.

Не верите? Зря.

– Послушай, я не понял. – Меркулову было явно не по себе. – В чем подвох? Если мы подойдем к краю плато, нас снимет снайпер?

– Нет.

– Значит, где-то есть скрытый периметр охраны? Пикеты? Секреты? Огневые точки?

– Насколько я знаю, нет.

– Плато оканчивается отвесным обрывом?

– Нет. Там есть вполне сносный спуск.

– Так какого же рожна?!

Нехорошо отвечать старшему по званию вопросом на вопрос, но эффект того стоил.

– Как, по-вашему, называется эта планета?

Меркулов посмотрел на меня испытующе.

– В загадки играть будем?

– А почему бы и нет, товарищ капитан-лейтенант?

– Ну давай поиграем...

Меркулов остановился, подпер подбородок рукой и с демонстративной задумчивостью перерылся в бледно-голубое небо.

Я торчал здесь уже три недели. Почти все мои товарищи по несчастью, которых конкордианское вторжение застало на планетах внешнего пояса, – больше месяца. Среди них были опытные навигаторы и астрографы, пилоты и разведчики. Был, в конце концов, всезнающий эксперт Злочев. По ночам они изучали рисунок созвездий и подсчитывали количество небесных тел в звездной системе. Днем по сто раз глядели на местное солнце, растирали в пальцах грунт, по часу рассматривали каждую залетную «стрекозу» (квазинасекомые; настоящим стрекозам здесь взяться было неоткуда).

Никто не смог уверенно опознать планету – ни по астрографическим, ни по каким другим признакам. Наши же тюремщики держали ее название в строжайшей тайне. «Не важно, как называется место, куда занесла нас судьба, – говорил Кирдэр. – Важно, что здесь проходит передний край борьбы с Ангра-Манью».

Но не могли же мы всерьез называть планету, на которой, быть может, нам предстояло проторчать еще долгие годы, «Передним Краем Борьбы с Ангра-Манью»! Просто «Передний Край», может, и сгодилось бы – для передовой базы *нашего* флота, но уж никак не для клонского тайного логовища!

Поэтому кто-то из старших офицеров еще до моего появления окрестил планету Глаголом. Для гражданского уха звучит диковато, но для военного – органично.

«Глагол» – это четвертый код из таблицы условных позывных (после «Азов», «Бук», «Ветер»). Во время планирования реальных боевых действий эти коды обычно перекрываются

личными позывными командиров тактических подразделений. Но во время учебного моделирования табличными кодами пользуются вовсю.

Эти коды – азбука войны.

Скажем, задача из учебника по тактике может формулироваться так.

«Вам приказано атаковать на высокой орбите планеты 3-класса транспорт противника условного типа „Дюгонь“. Ударные группы „Азов“ и „Бук“ состоят из трех торпедоносцев ДИ-4 каждая. Группа прикрытия „Ветер“ состоит из шести истребителей РОК-12-тер. В вашем распоряжении имеются еще два истребителя РОК-12-тер, два штурмовика ЛЕ-10 и два разведчика ДИ-4Р. Варианты использования этих флуггеров: (1) сформировать одну большую демонстрационную группу „Глагол“; (2) сформировать две демонстрационные группы – „Глагол“ и „Древо“; (3) распределить флуггеры между группами „Азов“, „Бук“, „Ветер“.

Сделайте ваш выбор и обоснуйте его, если известно, что транспорт охраняется двумя фрегатами условного типа «Хищный», находящимися на той же орбите, что и транспорт, с опережением и отставанием в 2000 и 1000 км соответственно (ТТХ условных боеединиц см. в Приложении 2)».

Но зачем мне было говорить Меркулову, что условное название планеты – Глагол? И что ничего достоверного установить не удалось? Пусть уж помучается!

– Это не так-то сложно, когда знаешь все планеты Конкордии наперечет... – пробормотал Меркулов, на глазок определяя угловые размеры неяркого светила при помощи разведенных большого и указательного пальцев. – Та-ак, это не Йама. Там центральная звезда значительно меньше. Не Ардвисура – спектральный класс другой. Ну, не Паркида и не Вэртагна, ясно... А, да это же Хварэна! Что тут сложного? – Он повернулся ко мне с улыбкой победителя.

– Все бы хорошо, но сутки здесь втрое длиннее хварэнских. Кроме того, есть и другие отличия. Вы их еще встретите.

– А что за сутки на Хварэне?

– Двадцать два стандартных часа.

Эту цифру я вынес отнюдь не из Академии. Кому она нужна, Хварэна?! Но в последние недели я столько раз становился свидетелем и посильным участником подобных дискуссий, что волей-неволей начал ориентироваться в конкордианской астрографии.

– Ну допустим. А другие отличия?

– Вот о них я и хотел вам рассказать. Пойдемте к ребятам.

Я указал на группу пленных, которые, как и мы, вышли погулять. Они стояли перед желтой табличкой «СТОЙ! ОПАСНО ДЛЯ ЖИЗНИ!» и играли в «ложки».

– Да ну их, этих ребят.

– Это займет пять минут. Пойдемте-пойдемте, не пожалеете.

Мы подошли. Ребята оказались итальянцами. Я их лично не знал, хотя мне было известно, что это звездолетчики с двух линкоров, расстрелянных из засады в упор на рейде Екатерины.

Занимались итальянцы вот чем. Набрав в столовой ложек (администрацией лагеря это не приветствовалось, но и не возбранялось), они бросали их за желтую табличку. И смотрели, что дальше будет.

Когда Меркулов увидел, что дальше, ему оставалось от изумления только открыть рот и молча ждать, что будет еще дальше.

Итак. Итальянец бросает ложку – легким взмахом руки, метра на два.

Подчиняясь закону всемирного тяготения, ложка падает на грунт. Но вместо того, чтобы полностью упасть и лежать себе, ложка встает вертикально. И стоит.

Грунт как грунт. Щебенка с серой глиной вперемешку. Трава на ней не растет, но и в других местах, если исключить специально культивированные участки лагеря с завозным черноземом, тоже не растет ничегошеньки. Надо старательно присматриваться, чтобы заметить,

что бочок то одного, то другого камешка в аномальной зоне нет-нет, да и заиграет на свету бледным радужным сполохом. А иногда и этот эффект не наблюдается.

А ложка стоит. Десять секунд стоит, двадцать... а потом – хлоп! – вылетает из аномальной зоны по параболе, как пробка из бутылки.

Игра состоит в том, чтобы твоя ложка улетела как можно дальше. Только и всего.

– Это как? – спросил ошавевший Меркулов, когда самый рослый из итальянцев с ликующими воплями побежал за своей ложкой, ударившейся о землю в семи метрах у нас за спиной (остальные ложки взлетали выше, но летели круче и едва не настучали капитан-лейтенанту по макушке).

– Это вот так, – ответил я, приветственно улыбаясь итальянцам. Дальше улыбок и чао-какао у нас с итальянцами не шло. Персональных переводчиков нам не выдали (напротив: отобрали даже те, которые были у некоторых на момент сдачи в плен). Горячие же итальянские парни отбывали детство в захудалой колониальной школе на Лючии. Язык межнационального общения там преподавали из рук вон плохо. Помню даже до войны репортаж такой проблемный: вот, дескать, Закон о Языке приняли, а не исполняем! И ладно бы всякие отсталые правительства, но даже нации-комбатанты!

– Что это за дьявольщина? – продолжал докапываться Меркулов. – Переменное магнитное поле?

– Я не знаю, что за дьявольщина. Это не магнитное поле. И не гравитационное. В чистом виде по крайней мере. Это – аномальный физический эффект, не имеющий ни названия, ни разумных объяснений. А табличка, поставленная заботливыми клонами, указывает границу зоны, в которой этот эффект проявляется.

– А что случится с человеком, который туда зайдет?

– Проверять никому неохота. Но клоны, наверное, недаром желтую табличку поставили. Пойдемте дальше гулять?

– Пойдем... И много здесь таких зон?

– Много. И не только таких. Это не планета, товарищ капитан-лейтенант, а психоз. Никто в Объединенных Нациях о такой не слышал. Даже в Глобальном Агентстве Безопасности о ней ничего не известно. По крайней мере лейтенантам. Пришлось назвать Глаголом.

– Плохо работают... Плохо! Ишь Глагол выдумали! Азов, мать его за ногу, Ветер-Древо-Зубр-Игла... И наша, флотская, разведка никуда не годится! Заселенную клонскую планету проморгать – где это видано... Быть такого не может! Понимаешь, лейтенант? Не может быть!

Разговор мы продолжали на ходу, направляясь к западному краю плато. Чтобы Меркулов отчетливо представил себе незавидные перспективы бегства, я хотел показать ему местные достопримечательности. А то ведь по всему было видно: этот субъект сбежит первой же ночью. И сгинет без следа, дурень...

Я вздохнул.

– Това-арищ капитан-лейтенант, не верите мне – спросите у старших по званию.

Но Меркулов меня не слушал. Его мысли уже неслись дальше. Причем в том самом направлении, которое я и предугадывал.

– Сколько клонов в охране лагеря? – отрывисто спросил он.

Меркулов вообще говорил отрывисто. Произносил два-три слова, а потом запинаясь на секунду – причем в самых неподходящих местах, из-за чего сбивались привычные русскому уху интонации. Например, свой вопрос он задал примерно так: «Сколько клонов в охране?...» Пауза и вроде бы конец вопроса. А потом неожиданно, с повышением голоса: «...лагеря?»

– Не знаю. С виду цитадель рассчитана человек на сто – сто двадцать.

– Это я понял. Нужны точные цифры. Ты не пытался подсчитать число постов? Количество смен? Не следил, как часто меняются солдаты в дежурных нарядах?

– Как уследишь за ними, если большая часть – клонированные демы?

– Черт... Верно. А сколько офицеров?

– Человек десять. Но это ни о чем не говорит. Подразделение, которое нас охраняет, явно укомплектовано командным составом сверх штата. Десяти человек офицеров хватило бы на три роты – если учитывать, что они обычно ставят на взводы не лейтенантов, а суперсержантов. А тут рота максимум одна. Кроме того – заотары.

– Какого черта?

– Наставники. Как вы могли заметить, нас здесь воспитывают. Их не меньше пяти. Еще минимум три заотара должны быть в любом конкордианском гарнизоне для проведения священнослужений. Это жрецы, эгдады, если выражаться точно.

– Мне плевать, эгдады они или трибады. А сколько пленных в лагере?

– Сейчас – человек сто. Большая часть бараков законсервирована. Но если принять, что один барак вмещает минимум двадцать пять человек, то расчетная емкость лагеря составит... семьсот пятьдесят...

– Не важно. Меня интересует расклад сил на сегодня. С твоих слов выходит – один пленный на одного клона?

– Выходит, так.

– Хреново... Лучше бы пять на одного... И хорошо бы рядовых иметь побольше, а то офицеров подставлять под пулеметы жалко... Тут же все офицеры?

– Да. Причем, за редкими исключениями, офицеры военфлота. Есть и несколько адмиралов. А вот рядовых, сержантов, старшин и мичманов нет.

– Разумно. Младший состав флота должны держать отдельно. И пехтуру отдельно. К земле поближе. – Меркулов почему-то хохотнул. – Что-нибудь про лагерь для рядовых слышал?

– Немного. Знаю только, что если всех офицеров нашего военфлота конкордианцы автоматически приравняли к пехлеванам, то рядовой состав – к демам. И наверняка условия в лагерях для рядовых куда хуже, чем у нас.

Тут капитан-лейтенант, который, кажется, снова перестал меня слушать, воскликнул:

– Постой-ка! Да это же Наотар!

– Что?

– Да планета, планета эта! Наотар! Как я сразу не догадался?!

– Почему вы так решили?

– Рельеф подходящий.

Это была уже чистая фантазия. «У него что – действительно контузия?» – подумал я и терпеливо возразил:

– Это не Наотар. Поверьте. Я там воевал.

Меркулов не счел нужным скрывать от меня свое недоверие.

– Когда успел?

– В мае прошлого года было столкновение с джипсами. Вы должны были слышать. По его итогам Генштаб издал «Памятку о Наотарском конфликте».

– Читал. Так ты там был? Ты же совсем молодой!

Я вкратце рассказал Меркулову, как меня занесло добровольцем в Экспедиционный Флот «Наотар» прямо с третьего курса Академии.

– Да-а... А мы в то время гнили от безделья в Городе Полковников. Эх, наш бы «Адмирал Нахимов» туда, мы бы этим джипсам вмазали! А вы на ничью все свели, мир-ротворцы... Это надо же было придумать – кадетов желторотых в бой послать вместо кадровых офицеров!

О том, что кадровых офицеров в Экспедиционном Флоте было завалишь, я промолчал. Зачем говорить очевидное? Ну а что таких нервных, как Меркулов, нам только и не хватало в тот страшный час, когда мелкие джипсы копошились вокруг разродившейся домны, я и подавно не сказал. Один лишний выстрел мог тогда привести к тотальной войне с межзвезд-

ными бродягами! И – я почему-то не сомневаюсь – Меркулов в ту минуту открыл бы огонь на поражение. Перестрелял бы новорожденных джипсов, не колеблясь. Вопреки приказу, который он бы «не получил» из-за «неполадок с оборудованием».

– А вы, товарищ капитан-лейтенант, где воевали? – спросил я, чтобы увести разговор в сторону.

– Я же говорю, в Городе Полковников сидел! Где воевал?! – вспыхнул Меркулов. – Вокруг фонарей этих орбитальных фигуриал, как папа Карло! Эскадрилью слетывал, м-мать!..

– Я имею в виду – сейчас. После девятого января.

– А-а-а... Так и говори. Про «Адмирал Нахимов» знаешь?

– В общих чертах. Новый ударный авианосец типа «Адмирал Ушаков». Первый полет совершил, кажется, полтора года назад...

– Ты еще ТТХ назови, – скривился Меркулов. – Как с Луны свалился, честное слово... Вам что, про «Нахимова» не рассказывали?

– Секретность кругом. Клоны с нами новостями не делятся, а почти все пленные офицеры здесь сидят дольше меня. Поэтому я про войну мало знаю. Начало встретил на Земле, потом был переброшен в Город Полковников. Там нас спешно обучили пилотированию «Дюранда-лей». Из Города Полковников на авианосце «Три Святителя» ходили в рейд на Фелицию. Там меня и сбили. В первом боевом вылете.

– Ты, выходит, из девятнадцатого отдельного? – Голос Меркулова потеплел.

– Так точно.

– Шубина знаю, Бердника тоже. Видел их, дай бог памяти... четыре дня назад... И что же: ты был в том вылете, когда «Атур-Гушнасп» завалили?

– Был. Вторая истребительная эскадрилья, командир – Готовцев. Мы зенитки на «Атур-Гушнаспе» подавляли... А скажите, товарищ капитан-лейтенант, «Три Святителя»... летают? – Я разволновался, будто девчонка на первом свидании. Очень уж важным был для меня этот вопрос. Любой пилот палубного базирования поймет – почему.

– Ничего им не сделается, «Святителям» твоим. Летают. Только низко и медленно.

– Как понимать?

– После того как они вертихвосток этих в Город Полковников приволокли, – не требовалось быть чемпионом Хосрова по общей эрудиции, чтобы догадаться: браваый капитан-лейтенант величает «вертихвостками» моих милых балерин, – техкомиссия ваш авианосец от боедеятельности отстранила. В полетной палубе вам клоны таких дырок наvertsели, что через них кофейный сервис в капитанском салоне было видно. За пару недель «Три Святителя» кое-как залатали, а потом снова допустили к полетам – но только в качестве стационара. Он сейчас вместе с «Князем Пожарским» на орбите кружится, охраняет.

– Уже есть от кого охранять?

– Будь спокоен. На Восемьсот Первом парсеке такой навруз с бешбармаком вытанцовывается... Так погоди, я тебе про «Нахимова» не рассказал...

Тем временем мы, следуя тропинкой, спустились метров на пятьдесят ниже уровня плато. Здесь, как я уже знал по опыту предыдущих прогулок, пригодная для обитания зона постепенно сходила на нет и начиналось *иное*.

Меркулов, ясное дело, по-прежнему был уверен, что мы находимся в одной из всем известных, обжитых конкордианских колоний – ну разве что в малозаселенной местности. Игра в «ложки» его, судя по всему, ни в чем не убедила. Равно как и мои ссылки на авторитет сведущих офицеров. Ну-ну.

– Товарищ капитан-лейтенант, про «Нахимова» потом. Давайте я вам вначале еще кое-что покажу.

– Ну показывай, – процедил Меркулов.

На том отрезке тропы, где мы оказались, диспозиция была следующая. По правую руку возвышались отвесные скалы с частыми вкраплениями красивого ярко-зеленого минерала. Кое-где в просветах между этими нарядными громадинами виднелся край плато. Растительности – никакой.

По левую руку серела щебенистая осыпь, накалившаяся заходящим на посадку солнцем. У верхнего края осыпи очередная желтая табличка предупреждала умственно неполноценных: «СТОЙ! ОПАСНО ДЛЯ ЖИЗНИ!» (Учитывая крутизну склона, сворачивать налево было самоубийством и безо всяких аномалий, а уж с аномалиями...)

Осыпь простиралась вниз на несколько десятков метров и упиралась в гряды огромных валунов.

За валунами начинался густой кустарник. Эти растения были уже не завозными, а местными. Видал я когда-то в Музее Этнографии очень смешной старорусский предмет – веник. Так вот кусты-аборигены были точь-в-точь как воткнутые в землю веники. И расцветки такой же – серо-желтой, с отдельными оранжевыми веточками. По всему было видно, что фотосинтезом они здесь не очень-то занимаются.

Ну а прямо по курсу продолжалась тропинка. Она шла с пологим снижением и исчезала между скальными обломками высотой в три человеческих роста каждый. Иначе, как только заложив крутую петлю, протиснуться между этими заковыристыми обломками тропа никак не могла, а потому выходило, что ее продолжения не видно. Она как бы бесследно растворялась в камнях.

На входе в эту узину клоны поставили еще одну табличку – красную. И написали: «ПРОХОДА НЕТ».

– Обратите внимание, товарищ капитан-лейтенант, на эту надпись.

– Ну.

– То, что на ней написано, – вроде бы неправда. Проход там имеется. И клоны не нашли нужным поставить здесь настоящее ограждение, заминировать тут все, часовых поставить... да тысячу и один способ можно было придумать этот проход закрыть так, чтобы комар не пролетел! Верно?

– Кончай темнить, лейтенант. Что дальше?

– Сейчас будет дальше, одну секунточку. Посмотрите-ка еще раз внимательно вниз, поверх тех желтых кустов. Склон видите? Заросли там всякие? Обломки кроулера на камнях серебрятся?

– Не слепой.

– А во-он там, возле обломков, кости белеют. Заметили?

– Да.

– Как по-вашему, метров двести до них будет?

– Сто пятьдесят.

– Глазомер у вас лучше, – дипломатично соврал я, хотя двести было самой скромной нижней оценкой. – А по вертикали какой перепад? Пятьдесят дадите?

– Да... Слушай, как там тебя, Алексей?..

– Александр.

– Один черт. Саша, пойми: я сюда не скелеты рассматривать пришел! Или потопали дальше, или – обратно! Жарко тут стоять!

«Еще бы, в комбинезоне-то», – злорадно подумал я. Солнце здесь и впрямь было будь здоров.

– Идемте. Главное, что вы убедились: видимость – отличная, ниже по склону нет ни тучки, ни облачка... А сейчас, товарищ капитан-лейтенант, официально вас предупреждаю: впереди будет что-то необычное. Так вы уж не нервничайте.

– Нашел нервного...

Что да – то да.

Я быстро пошел вперед, смело миновал красную табличку, вошел в тень между скалами... Вот сейчас, сейчас...

В левом ухе зашумело, будто бы я приложил к нему морскую раковину. Через секунду зашумело и в правом.

Еще шаг...

Как всегда, в этом месте сознание немного «смазалось», я покачнулся, а когда восстановил равновесие – всё вокруг уже благополучно преобразилось в фирменное здешнее *хрен-знает-что*, у меня вот только спросить забыло.

Я сделал пару осторожных шажков вперед и обернулся, поджидая Меркулова. Тут он и появился.

С непривычки Меркулов, как я и думал, споткнулся на ровном месте. Я поймал его за руку.

– Это где мы? – спросил он, озираясь по сторонам. И тут же, не теряя присутствия духа, добавил: – Какие-то фокусы с размерностью пространства? Органический Х-переход?

А капитан-лейтенант ничего. Замашки хамские, зато... Зато, как пишут в аттестациях, «обладает комплексом всех необходимых командирских качеств, быстро приспосабливается к переменам обстановки, мыслит дисциплинированно и соразмерно сложности возникающих задач». Примерно так.

– Не могу знать, товарищ капитан-лейтенант. Но Х-переход здесь точно ни при чем. Как и та аномалия, где ложки летают, этот эффект находится за пределами представлений современной науки.

Мы с Меркуловым по-прежнему стояли на той же тропе. На расстоянии вытянутой руки угадывались очертания двух скал, через которые мы прошли.

Все было прежним и в то же время – совершенно другим.

То, что окружало нас, не являлось ни туманом, ни другой разновидностью микроскопической взвеси. Но видимость была ограничена так, будто мы попали в центр грозового облака. Стоит ли говорить, что жгучие солнечные лучи нас больше не допекали?

Были и другие, так сказать, субъективные ощущения. Во рту сразу возник отчетливый металлический привкус. В ушах шумел прибой невидимого моря. В кончиках пальцев слегка покалывало.

За неимением лучших слов мы называли этот эффект, а точнее сказать, совокупность эффектов Мутью.

Я понимаю, что физически это невозможно, но создавалось ощущение, что к каждой десятой молекуле азота и кислорода здесь прицепили по молекуле кремния, из-за чего произошли великие беды с коэффициентами преломления и рассеивания. Но худшим из всего бедному-несчастному человеческому сознанию представлялось то, что Муть была видна только изнутри! Ни сверху, при взгляде с плато, ни в упор, с двух шагов, ничто не намекало на эти долбанные оптические чудеса! Недаром я показывал Меркулову приметные ориентиры ниже по склону, ой недаром!

Он это тоже понял.

– Слушай, тут что, так до самого низа?... До подножия горы?

– Хуже. Тут это дело слоями. Слои разные.

– А тот разбитый кроулер, что ты мне показывал, на самом деле внутри *этого*?

– Конкретно тот кроулер – да. Ну что, достаточно для первого раза? Пойдем обратно?

– Нет, погоди. Какая высота горы?

– Это еще один интересный вопрос. От уровня океана – если здесь вообще есть всепланетный океан, в чем я не уверен, – неизвестно. Клоны, наверное, знают, мы – нет. Когда глядишь с восточной части плато, кажется, что перепад высоты до долины – метров четыреста—

пятьсот. С западной части плато дна ущелья не видно, потому что мешают скалы и растительность. Но если продолжить спуск по этой тропе – насколько хватит смелости и сил, – то субъективный перепад высоты никак не менее двух километров. Правда странно? Вы можете представить себе, как должно выглядеть в таком случае дно ущелья, которое тянется вдоль подножия? На трех километрах – перепад высоты полтора километра! Это в среднем сорок пять градусов постоянного уклона!

– Выходит, кто-то из лагеря спускался вниз? Спускался? – Меркулов схватил меня за плечо, так он разволновался.

– Да. Злочев, лейтенант ГАБ, отправился туда, как только сообразил, что его никто в лагере силой не держит. Он был уверен, что, раз есть тропа, рано или поздно она куда-нибудь да выведет. Рассовал галет по всем карманам, прихватил из пищеблока чайник с питьевой водой – и пошел.

– Ну и?

– Дошел. Насчитал восемь слоев вот этого. – Я обвел рукой фиктивный «туман» вокруг нас. – Мы называем его Мутью. Там, пониже, стоит несколько клонских автоматических станций.

– Боевые?

– Скорее научно-исследовательские. Злочев видел ручей, в котором вода была как желе. То есть совершенно не вода. От одного слоя Мути к другому сильно скачет давление. Из-за этого Злочев чуть не погиб. Вообще, если бы его клоны назад не притащили, мы бы с ним больше не разговаривали.

– Отправились в погоню?

– Куда там! Им без разницы. Ушел – и иди себе. Спасибо каперангу Гладкому. У него хорошие отношения с майором Шапуром, комендантом лагеря. На почве фехтования сошлись. Так вот через сутки после исчезновения Злочева они с Шапуром пофехтовали, как обычно, а майор и говорит: «Жаль вашего лейтенанта. Мы же предупреждали, что уход с плато равносильен смерти. Написано же специально по-русски: прохода нет! А вы все лазите, как будто читать не умеете». Гладкий об уходе Злочева знал. Но он не думал, как и все они тогда, что здесь действительно так уж опасно. Гладкий к нему с расспросами, а Шапур отвечает: «Я не имею права распространяться о реальных параметрах местных аномалий. Но вы пехлеван и вообще человек хороший. Так и быть, одну безобидную цифру назову: чтобы достичь ближайшего источника питьевой воды, надо пройти двести семь километров. Из них около сорока километров – Муть. Вдобавок к этому – аномальные зоны. Даже если вашему лейтенанту голову не оторвет тем, что мы называем *пробоем*, если его не сожрут *слепни*, если не убьет повышенное давление, он все равно погибнет от жажды».

Тут Меркулов меня перебил:

– Но клоны как-то здесь ходят! Или ходили по крайней мере! Кто-то же тропу протоптал!

– Правильно. То же самое Гладкий спросил у майора. Шапур ответил, что на планете раньше велись интенсивные исследования...

– Ну еще бы!

– ...И в результате ценой долгих проб и ошибок здесь были построены дороги и кое-какие объекты. Космодром, например. А в местах сгущения аномалий удалось проложить только пешие условно безопасные маршруты. По которым двигались экспедиции в специальных герметичных костюмах, с кучей разного снаряжения. Воду им забрасывали вертолеты. Что не всегда удавалось. И даже в этих хорошо обеспеченных, отслеживаемых с орбиты экспедициях без жертв не обходилось...

– Понял. Короче, этот твой Гладкий уговорил коменданта лагеря, и добренький клон послал за Злочевым своих людей?

– Да. У них в цитадели есть несколько легких скафандров. Они спустились по тропе – главное, прошли через один мерзкий слой, где давление в три с лишним атмосферы, – и нашли Злочева в полной отключке. Притащили в лагерь и даже кое-как откачали. А нам объявили, что это было в последний раз. Ни при каких условиях они за беглецом больше не отправятся. У нас от побега отказались сразу четыре группы. Это только из тех, о которых мне точно известно, что побег готовился.

– Так что – Злочеву за побег вообще ничего не было?

– Вы еще не знаете клонов. – Я улыбнулся. – С юридической точки зрения, Злочев не ударился в бега, а «ходил на прогулку». Но ведь из-за своей «прогулки» он пропустил несколько занятий и молитв, то есть нарушил дисциплинарный регламент! Вот за это его и посадили на пять суток в изолятор.

Меркулов хохотнул.

– Да-а... дисциплинка... Ладно, хватит языками чесать. Хоть убей, хочу своими глазами еще один слой увидеть. Идем?

– Ну давайте. Только учтите: нас с вами тоже в изолятор посадят, если мы через полтора часа не вернемся. А без ужина так точно останемся. Поэтому дойдем до кроулера – и сразу назад.

– Договорились.

Не могу сказать, чтобы Меркулов мне нравился. Скорее даже наоборот. Но одного у него не отнять: был он человеком храбрым, даже самоубийственно храбрым.

Вот что случилось под занавес той нашей прогулки.

Мы прошли первый слой Мути и погрузились во второй, в целом подобный первому, только в нем к «туману» добавились еще столбики розового свечения – штука безопасная, но поначалу пугающая. На Меркулова они не произвели впечатления, и он уговорил меня пройти еще чуть-чуть вперед. Мы спустились по тропе на несколько лишних метров и вышли из второго слоя.

Там была такая площадка каменная, довольно живописная, но уже основательно замусоренная окурками. Дальше этой площадки после случая со Злочевым никто не ходил. Все, кто спускался с плато, курили здесь раз, курили другой – и поворачивали обратно.

Легко догадаться, как мы называли это место. Правильно: Курилка.

Вокруг Курилки росли стройные грибные хвощи, напоминающие молодые кипарисы, обвешанные бурым серпантинном, а в центре... в центре находилось крошечное озерцо. Над тем, почему оно не высыхает, все мы устали ломать голову, ведь глубины в нем на глаз было – по колено. И – ни родника, ни ручейка, которые бы это озерцо питали.

Вода там была вроде как обычная – вовсе не серое желе, о котором рассказывал Злочев. Но цвет... Цвет – как у тех изумрудных минералов в жилах, которые здесь повсюду перли из горной породы. Ярче купороса.

Ни пить, ни даже прикасаться к этой воде никому из нас не приходило в голову.

Когда мы с Меркуловым вышли на площадку, я по привычке закурил. Затянулся, поглядел по сторонам. Прикинул, что на ужин мы еще можем успеть – надо будет только сразу по выходе из верхнего слоя Мути припустить бегом.

В общем, я немного отвлекся. А когда до меня дошло, что Меркулова рядом со мной больше нет и я резко обернулся, то обнаружил, что капитан-лейтенант сидит на корточках над озерцом. А из его сложенных лодочкой ладоней капает ядовито-зеленая вода.

– Нет! Ни в коем случае! Не пейте!

Куда там!

Меркулов сделал несколько глотков, а остатками воды умылся.

– Дрянь, – сказал он, подымаясь на ноги. – Как мел с йодом. Но пить можно. Понял, лейтенант?

И пока я, остолбенев, соображал, как бы поскорее устроить психу промывание желудка, Меркулов продолжил:

– А раз пить можно здесь, почему дальше нельзя? Злочев говорил, что вода в ручьях, как желе? Очень хорошо. Значит, ее надо не пить, а есть. Только и всего!

– Но комендант лагеря... – пролепетал я.

– Ребята, я вас не понимаю, – задушевно сказал Меркулов. – Почему вы так легко согласились, что какой-то клонский майор-недоучка умнее, чем вы, кадровые офицеры российского военфлота?

Глава 2

Таня

2616 г.

*Кенигсберг, Российская Директория
Планета Земля, Солнечная система*

– У Таньки ужасный характер!

Так говорили Танины одноклассники. Так считали Танины учителя.

Когда Таня поступила на факультет истории внеземных культур, эстафету подхватили одноклассники и преподаватели.

Словом, «характер» прямо-таки преследовал Танечку Ланину. И совершенно непонятно было, куда от этого характера деваться.

Когда после окончания университета Таня устроилась на скромную должность лаборантки в Кенигсбергский научно-исследовательский институт ксенологии (КНИИК имени Ю. Кнорозова), вместе с ней в сектор полевых исследований (именовавшийся попросту Лопатой) поступил и ее пресловутый «характер».

– Эта новенькая – она такая странная, – заметила аспирантка третьего года Жанна Скрябина, недовольно морща свой царственный носик.

– В смысле? – Старший научный сотрудник Оленька Белая неохотно оторвалась от зеркала, спрятала в косметичку тюбик жидкой помады кораллового цвета и вопросительно посмотрела на Жанну.

– Я к ней со всей душой, а она...

– А она? – Оленька снова уставилась в зеркало и принялась поправлять прическу. – Что – она?

– Понимаешь, я думала ее пригласить сегодня... Ну, на сабантуй. Сказала, заходи вечером в «Палисад», выпьем абсенту, потанцуем... Тем более повод есть и все такое... А она сказала, что танцевать не умеет, абсента не пьет и мне не советует. Причем с таким видом! С таким видом! – Голос Жанны звучал обиженно.

– Мало ли... Может, она и впрямь абсента не пьет... Потому и на сабантуи наши не ходит.

– А мы кто, получается? Алкоголички, что ли? Она на это намекает, да? Вот ты мне скажи – на это она намекает?!

– Да кто ее разберет, твою Таню, – пожимала плечами Оленька. – Она такая невоспитанная! А впрочем, чего ты хочешь от девушки с планеты Екатерина? Это же богом забытое место! Как ее вообще угораздило в университет поступить... Вероятно, по программе какой-нибудь. Что-нибудь вроде «Гуманитарные инициативы – жителям дальнего Внеземелья». Внеземельники эти, говорят, даже экзамены вступительные не сдают, их так просто принимают, для процентовки...

– И где только высокомерия этого набралась, выскочка инопланетная... – поддакивала подруге Жанна.

Нет, Таня Ланина не была высокомерной. Она была стеснительной. И немного замкнутой.

Разговоры с коллегами требовали от нее настоящего мужества. И всякий раз, когда нужно было это мужество проявить, Таня совершенно забывала про вежливость.

Впрочем, кое в чем Оленька и Жанна были правы: планета Екатерина, на которой родилась и выросла Татьяна, действительно сыграла здесь свою роковую роль.

До десяти с половиной лет круг общения Тани ограничивался ее родителями, Иваном и Неонилой Ланиными, старшим братом Кирюхой (который, впрочем, учился в спортивном интернате и дома бывал нечасто), а также двумя сотнями мафлингов, исконных представителей фауны планеты Екатерина.

Родители Тани руководили звероводческой фермой.

Ферма специализировалась на мафлингах, каковые на языке биологической науки именовались *maflingi ovaferra*.

Над главным корпусом фермы гордо реял российский триколор, да оно и неудивительно: заведение находилось на балансе Министерства Здравоохранения РД.

В двухэтажном доме из желтого ракушечника, пристроенном к северному крылу фермы, Таня Ланина и провела детство.

Мафлинги были ужасно прихотливым видом. Нигде, кроме средних широт планеты Екатерина, они нестись не желали.

Даже содержание в земных зоопарках мафлинги переносили из рук вон плохо – линяли, теряли интерес к противоположному полу, болели и скучали. Да еще и смотрели на посетителей с такой безысходной тоской, что особо впечатлительные дети начинали тут же, возле стеклянных вольер с грозными предупреждением «животных не дразнить и не расстраивать!», навзрыд плакать от жалости «к бедненькой белой крыске» и проситься домой.

Строить фермы на удаленных, слабо колонизованных планетах вроде Екатерины – затея дорогая и трудоемкая. Но земляне строили. Для этого у них были причины.

Из яиц мафлингов – продолговатых сизо-серых крапчатых – производился препарат сенокс, многократно повышающий стойкость человеческого организма к перегрузкам. Сенокс также существенно облегчал акклиматизацию к условиям колоний, которые хотя и устраивались в основном на планетах 3-класса (то есть землеподобных), но каждая из них отличалась от Земли как дикий зубр от домашней коровы.

Сенокс был в тысячи раз дороже белужьей икры. В сотни раз дороже платины.

И все равно число частных лиц и организаций, готовых платить за сенокс баснословную цену, с годами не уменьшалось.

Над тем, чтобы синтезировать препарат, не уступающий натуральному сеноксу, бились десятки лабораторий (в одной только Москве – четыре). Увы, напрасно. Может быть, потому, что чудеса вообще не бывают синтетическими?

А ведь препарат и впрямь был чудесен. Пилоты, прошедшие курс терапии натуральным сеноксом, нормально переносили кратковременные перегрузки до 12 g без потери сознания.

Конечно, с матерком выползая из испытательной центрифуги, они не плакали от счастья и не кричали от удовольствия – мол, что за прелесть эти перегрузки, хотим еще! Но болевые ощущения у них почти отсутствовали, сознание сохраняло ясность, не уходило в «красный туман».

Нет, заменители сенокса такого эффекта не давали. Точнее, они не давали никакого эффекта.

И кому становилось легче от того, что формула искусственного сенокса в точности соответствовала формуле натурального? Или от раздававшихся на каждой конференции по фармакопее клятв заслуженных академиков в том, что не за горами день, когда тайны сенокса будут вырваны у природы?

Ну, уж по крайней мере не пилотам.

Поэтому правительства, разуверившиеся в возможностях химии, дружно раскошеливались на разведение ценных мафлингов в естественных условиях. Сдача в аренду угодий на Екатерине, целиком принадлежавшей Российской Директории, ежегодно приносила в казну доход, сравнимый с доходом от налогов со всего прибалтийского игорного бизнеса.

А на самой Екатерине простые труженики вроде Таниных родителей обихаживали привередливых мафлингов, чтобы те откладывали побольше ценных яиц.

Самка мафлинга приносила по одному яйцу в четыре месяца. А вот внимания к себе зверьки требовали ежедневно.

В обязанности Тани, помимо надзора за кормлением и поением животных, входила их чистка и обласкивание – без ежедневной порции поглаживаний мафлинги откладывать яйца категорически отказывались.

Таня вдохновенно вычесывала белую хрусткую шерсть мафлингов костяным гребешком, играла с ними в их грубые лесные игры, разнимала свары самцов из-за самок и как могла участвовала в жизни звериного коллектива. Когда Тане было восемь лет, мафлинги приняли Таню в свой прайд.

Именно из-за мафлингов Таня так неохотно, неумело сходилась с людьми.

Ведь они в отличие от людей общались телепатически. У этих чувствительных и своенравных животных вообще не было голосовых связок. Мафлинги общались мыслеобразами – и между собой, и со своими хозяевами.

«Хочется свежего проса! И морковки!» – просил мафлинг, и Таня шагала к пульта автоматизированного кормораздатчика.

«У меня болит яйцеклад! Скорее смажь его этой пахучей коричневой гадостью!» – требовала молодая самочка. И Таня откупоривала пузырек с препаратом «Заживин GR» (то есть для существ с метаболизмом типа GR).

«А правда, я красивый?» – интересовался мафлинг-вожак, и Таня бежала за фотоаппаратом, чтобы запечатлеть пушистого красавца для альбома.

Фотографироваться мафлинги любили. В архиве Таниных родителей хранилось около двух тысяч снимков – столь же милых, сколь и однообразных.

Неонила Ивановна с двумя малолетними «белявками» на руках.

Дошкольница Таня в джинсовом сарафанчике, улыбаясь во весь беззубый рот, ведет «белявок» на прогулку.

Иван Ланин задает мафлингам витаминизированный корм, а прямо над ним красуется транспарант, заказанный к 23 февраля: «Здоровье мафлингов – боеспособность армии и флота!»

И действительно, отказать мафлингам в некой специфической фотогеничности значило пойти против истины.

Если глядеть на них сверху, они походили на больших, ростом с барсука, глазастых морских свинок белого колера.

А вот ножки, брюшко и нижняя поверхность шеи мафлингов были покрыты аккуратными серо-желтыми роговыми пластинками, плотно пригнанными одна к другой.

Астрозоологи утверждали, что своеобразная внешность мафлингов – помесь броненосца с морской свинкой – обусловлена эволюцией этого вида (любой школьник знает, что «эволюцией» можно объяснить практически любую несуразицу). Дескать, миллионы лет назад, когда мафлинги еще только формировались как отдельный биологический вид, на планете Екатерина произошло резкое потепление климата и стало нестерпимо жарко. Настолько жарко, что не будь на ногах и брюшках мафлингов этих ороговелых пластинок, зверьки просто не смогли бы более выбираться из влажного тропического леса к базальтовым берегам местных рек, добела раскаленных взбесившимся солнцем. А выбираться туда мафлингам было совершенно необходимо: брачные игры, равно как и спаривание, проходили у них в пресной речной воде, причем при температуре не менее 28 градусов. С течением времени жара отступила, а вот пластинки – остались.

Яйца мафлинги откладывали в кучи прелых листьев дерева ламама. Там же, во влажной лиственной утробе, спустя два месяца из яиц, по прихоти природы лопавшихся в один и тот же час, с точностью до пары секунд, появлялись на свет малыши.

Новорожденные мафлинги походили на червяков. С достижением отрочества они начинали смахивать на крохотных жабовидных крокодилов. Лишь спустя полгода на их спинках проклевывалась нежная белая шерсть, тогда же отпадал атавистичный кожистый хвост, а спустя еще полгода их туловища начинали приобретать милые сентиментальному глазу гуманоида пухленькие очертания...

Следить за этими метаморфозами маленькой Тани было интересно. Она часами не вставала с табуретки, наблюдая за тем, как крокодильчики-вегетарианцы учатся рыть себе норы в песчаном полу отсека для молодняка...

Неудивительно, что на чтение книжек про Колобка, Винни-Пуха, волшебника Звездения и на забавы с другими детьми у Тани просто не оставалось времени.

Да что там Винни-Пухи со Звездениями! Завозившись с пластинчатыми друзьями, Таня частенько забывала пообедать и поужинать.

В один из таких разов Таня, неожиданно обнаружившая, что смертельно голодна, взяла да и выпила одно надтреснутое яйцо мафлинга, отбракованное роботом-сортировщиком...

Вскрывать яйца самостоятельно было строжайше запрещено. Об этом твердили и родители, и забранные красной рамочкой «Правила поведения зоотехника» – они висели на стене укрытого прелыми листьями вольера, где неслись мафлинги-трехлетки.

Но Танин любимчик – мафлинг по имени Гуся – обнадежил девочку. Мол, от одного свежего яйца ничего ужасного с ней не случится. А яйцо ведь все равно пропадет – поврежденные яйца отправлялись прямиком в утилизатор.

Ничего «ужасного» и впрямь не случилось.

По вкусу яйцо мафлинга напоминало печеный шампиньон, ставший вдруг жидким.

Правда, после этого ужина, который Таня затем неоднократно повторяла, она перестала бояться высоты и скорости, приобрела выносливость сержанта осназа и стала еще более замкнутой.

Впрочем, сама Таня приняла эти перемены как должное. Подумаешь высота! Чего в ней страшного? То ли дело переливчатые ку-сколопендры, которые так и шастают между камнями у воды. Укусила тебя такая – и ты в коме. Не успели вколоть антидот за ближайшие двенадцать часов – покойник.

Родители же Тани замечательных изменений в физиологии девочки и вовсе не заметили.

Слишком уж они любили смотреть визор.

Особенно программы «Homo ludens», «Оборонлото» и «Твой звездный шанс». Во время этих замечательных шоу зрители с помощью устройства дистанционных платежей делали настоящие ставки и, случалось, выигрывали настоящие деньги...

А когда Таня все же пошла в школу (а пошла она сразу в пятый класс, экстерном сдав несложную программу первых четырех), ее ждало ужасное открытие: оказалось, что все люди, а не только брат и родители, общаются исключительно словами.

Выходило, чтобы ладить с людьми, нужно ужасно много слов! И притом подбирать их требуется тщательно и долго...

Но самым печальным Тани показалось то, что люди в отличие от мафлингов были склонны все время понимать превратно слова, подобранные с таким тщанием. А затем – обижаться.

Три года ушло у Тани на то, чтобы «стать как все», научиться смеяться, когда шутят, и завести подругу.

Первое она освоила где-то на оценку «3». Второе – на «4».

А вот подружилась она на все «5».

Красавица и умница Тамила Мезенцева, младшая дочь мэра города Северо-Восточный, столицы яйценосного промысла, стала ее альтер эго.

Именно Тамила, подающая надежды воспитанница хореографической студии при Театре юного зрителя, сделала из брюнетки Тани платиновую блондинку при помощи дешевого препарата «Белёк».

«Пацанам всегда нравятся блондинки! А крашенная или нет – они все равно не разбираются!» – приговаривала Тамила, покрывая длинные черно-коричневые пряди Таниных волос ядерной лиловой химией.

Она же преподавала нелюдимо Тани азы поведения в компании одноклассников. И хотя компании Таня полюбить так и не сумела, Тамилины уроки ей все жегодились.

Когда Таня и Тамила перешли в девятый класс, на таинственных, поросших жизнерадостной изумрудной растительностью курганах, которые были единственной ландшафтной достопримечательностью города Северо-Восточный, начались археологические раскопки.

Казалось бы, какое дело дочери фермеров до каких-то там остатков древних, да еще и внеземных, цивилизаций?

Однако Таню тянуло туда – к передвижным лабораториям с эмблемой группы «Археологика» – как магнитом.

Впервые ступив в желтую канавку свежего раскопа, где сустились мелкие роботы с короткими трубчатыми хоботами – они снимали песок и глину с древних камней (чуть позже она узнает, что археологи зовут их «пылесосами»), – Таня отчетливо ощутила: «Мое! Никому не отдам!»

С этим глубоким и правдивым ощущением не могла сравниться радость от возни со славными, но глупыми маффлингами. Что уж говорить о прочих убогих увеселениях провинциальной Екатерины?

Очень скоро археологи притерпелись к обществу стеснительной высокой девушки в синей школьной форме с длинной платиново-белой косой, свернутой кренделем на затылке.

Школьница осторожно расхаживала по их владениям и с жадностью губки впитывала в себя все, что вокруг происходило.

Случалось, она даже отваживалась задать вопрос какому-нибудь старшему помощнику младшего ассистента. А потом, краснея и бледнея, выслушивала сбивчивый ответ.

Спустя месяц Таню и вовсе начали принимать за свою. Ей даже разрешили присутствовать на летучках, а потом и на семинарах, которые время от времени члены группы профессора Каурина устраивали для учителей истории, заезжих любопытствующих с научными степенями и местных лекторов общества «Наследие».

А еще через месяц Таню допустили к горячим раскопам вместе с аспирантами первого года. В знак особого расположения ей доверили наклеивание говорящих бирок на свеженайдённые артефакты (на языке полевой археологии данная операция помпезно именовалась «первичной классификацией»).

Таким образом, Таня Ланина сделалась для спаянного коллектива группы «Археологика» чем-то вроде полезного приложения к знаменитым екатерининским курганам.

С точки зрения умудренных опытом археологов Таня являлась идеальной помощницей. Она была молчалива, замечательно заваривала чай, не претендовала на дефицитное спиртное и совершенно ничего не требовала за свою помощь.

Некоторые неженатые члены экспедиции даже пробовали за Таней волочиться. Но были пристыжены строгим профессором Кауриным.

«Товарищи мужчины, имейте в виду! Замеченных в связях с несовершеннолетними увольняю без выходного пособия!» – заявил Каурин на одной из летучек.

«Товарищи мужчины» поняли своего руководителя правильно и сделали выводы.

Спустя год экспедиция, несолоно хлебавши, возвратилась в родной Новосибирск (Земля, Солнечная система). И хотя курганы оказались совершенно бесплодными в плане сенсационных находок (на профессиональном жаргоне археологов – холостыми), Таня со всей категоричностью, свойственной ее возрасту, осознала, что не сможет жить без ксеноархеологии.

Именно так: не сможет жить.

– Ты что, с катушек съехала, дорогая моя? Лететь? На Землю? В Кенигсберг? Учиться? Чтобы изучать черепки от ночных горшков, в которые альтаирские головоноги нужду справляли? – вопрошала Танина мама, тараща на дочь свои водянистые глаза.

– Только через мой труп! – заявлял Танин папа, авторитетно укладывая свою тяжелую ладонь на обеденный стол. – Вон поступишь в педагогический, если тебе так неймется... Поучишься годика четыре, замуж выйдешь, распределишься... Потом детишек будешь учить... Чем плохо-то?

– Да ты своей головой только подумай, откуда такие бабки, сестренка? Ты хоть знаешь, сколько билет стоит до твоего Кенигсберга? А еще обучение? Тоже ведь подумай: задаром кто тебя учить будет? – старательно подражая отцу, гундосил брат Кирюша, осваивающий специальность оператора перерабатывающего комплекса на ближайшей сенокс-фабрике.

Но Таня была непоколебима. Она даже взялась ожесточенно спорить, доказывая свою выстраданную правду. Чем повергла родителей и брата в состояние, близкое к ступору.

В самом деле, Таня, та самая Таня, от которой ничего, кроме «да, мам» и «нет, мам», обычно не услышишь, теперь читает родителям лекции!

– Во-первых, дорогой мой братик, – объясняла Таня, – если я сдам экзамены на «отлично» и пройду по конкурсу, платить за обучение не придется. У нас, в Российской Директории, обучение в университетах бесплатное. Если только ты не полная бездарь, конечно. – На этом месте Таня со значением глянула на брата, который скорчил в ответ кислую рожу.

– Ну а во-вторых что? – с издевкой спросил Кирюха.

– А во-вторых, скоро я стану совершеннолетней! И никто не сможет мне ничего запретить!

– Запретить-то мы, может, и не сможем, – хитро покручивая ус, заметил папа. – Но и денег на билет не дадим. Подумаешь профессию себе придумала. Ксеноархеолог! Да кому сейчас эти археологи нужны? Тем более «ксено»? Уж лучше бы на что-нибудь жизненное выучилась. Хотя бы на врача, как бабушка... Короче, на баловство свое денег даже не проси!

– И не надо мне ваших денег! Сама заработаю! – часто дыша, воскликнула Таня. – И все равно поеду!

– Да что ты заладила, как робот, поеду-поеду. – Танина мама строго поджала губы. – Да у тебя же в таблице одни тройки! Воображаешь из себя тут непонятно что... Понавыдумывала разного... Ты и диктанта-то простого не напишешь! Я уже не говорю про математику или что там у них сдают...

Последнее было горькой правдой. Хотя экзамен по математике для археологов был незатейливым, он все-таки был. Куда ж археологу без расчета объема усеченной пирамиды? Да куда!

И с этой горькой правдой Танюше предстояло что-то решить.

Ведь чтобы поступить в университет – и не какой-нибудь завалящий, колониальный, а настоящий, земной, Кенигсбергский (его Тане горячо рекомендовал профессор Каурин), – одной любви к истории и археологии мало. Нужны знания.

В первый же день летних каникул, отделявших Таню от последнего, выпускного, класса, она приняла важное решение. Отныне и до поступления – у нее десятичасовой учебный день. Без выходных!

Библиотека, программы-репетиторы, курсы дистанционного обучения по всемирной истории, теории колонизации, культурологии культуросозидающих рас, латыни, живым языкам

Великорасы и обязательно углубленный курс литературы и русского. И пусть голова к вечеру гудит, а глаза слезятся. Ради заветной мечты можно и потерпеть.

А как же маффлинги? Милые пушистые звери?

К черту милых и пушистых!

В конце концов, кормить и ласкать маффлингов смогут и папа с мамой. Ведь именно они получают за это деньги!

К концу учебного года в аттестате Татьяны Ланиной, выпускницы 11 «Б» класса средней школы № 14 г. Северо-Восточный планеты Екатерина, осталась всего одна тройка. Да и та по астрономии.

Однако родители не сдавались.

– Ладно, учебу ты, допустим, подтянула, – говорила мама, повязывая косынкой голову, утыканную аэробигуди. – И, допустим, теперь мы все видим, что у тебя серьезные намерения... Но...

– Что «но»? – сверкая зелеными глазами, спрашивала Таня.

– Но... Как бы объяснить... Видишь ли, доченька... Денег у нас все равно нет... – потупился отец.

– Как это – нет? А сбережения? У вас же есть сбережения? Ведь я же знаю, вам платят нормальные деньги! – задыхаясь от раздражающего ее возмущения, говорила Таня.

– Жизнь – сложная штука... – почесывая недобритую скулу, протянул отец. – Были денежки – и сплыли.

– Но куда они могли сплыть?! Ведь мы же ничего не тратим! Никуда не ездим! Ничего не покупаем! Я второй год в одних джинсах хожу. Живем тут... как... просто как сычи какие-то! У нас даже машина одна на всех!

– Видишь ли, дорогая Таня... В последний раз нам с мамой ужасно, просто даже мистически не повезло! Мы тебе не говорили, чтобы тебя не расстраивать...

– Что значит – не повезло? – насторожилась Таня.

– Еще весной мы с мамой решили поставить на шесть из пятидесяти двух в «Оборонлото»... Программа проверенная, люди выигрывают все время, в газетах о них пишут... И комбинация была верная! Совершенно надежная, стопроцентная... Мы играли по системе! Но нам... Нам просто не подфартило! Проиграли мы, в общем. Получилось, что четыре тысячи терро... Черт его разберет, как оно получилось? – Отец снова спрятал глаза.

– Мы даже должны остались... Немножечко. – Неонила Ланина поднесла к увлажнившимся глазам носовой платок. Бигуди делали ее похожей на пупырчатого мегацефала с планеты Тэрта.

– То есть вы все просадили, да? Все просадили? Все до последнего терро? – Таня не верила своим ушам.

– Можно и так сказать, – сухо кивнул отец.

– Да у нас тут не ферма, а просто казино какое-то! – Таня едва сдержалась, чтобы не расплакаться.

Однако мораль была проста: денег на билет «Тургенев – Зеленоградск» предстояло еще добыть.

Но где добыть полторы тысячи терро за один месяц?

* * *

Решение пришло к Тане внезапно.

Воскресным утром она надела тонкое белое платье в горошек и лакированные босоножки на высоком каблучке. Заплела волосы в две косы, взяла допотопную театральную сумочку (мамину) и отправилась в парк культуры и отдыха им. К. Шульженко.

В ту его часть, где за стеной вековых деревьев высился единственный взрослый аттракцион – русские горки.

Это сооружение, видимое за сорок километров невооруженным глазом, было второй достопримечательностью города Северо-Восточный после исторических курганов. А по числу желающих на них поглазеть горки оставляли курганы далеко позади.

Понять туристов было легко: высота центральной опоры составляла пятьсот метров восемьдесят шесть сантиметров. Девять мертвых петель диаметром по полсотни метров каждая, шестивитковый «штопор»... Эх, да что там говорить!

Никогда не видать бы инопланетному захолустью такого экстремального аттракциона, если бы товарищ Поспелов, экс-мэр города Северо-Восточный, во дни своей босоногой юности не работал смотрителем знаменитого московского парка развлечений «Юность», где разве только в космос желающих не запускали.

Господин Поспелов знал толк в развлечениях для народа. Вступив в должность мэра, он первым делом заказал для города «Бодролет» – самую продвинутую модель русских горок из настоящих ужгородских комплектующих.

«Бодролетом» это чудо техники звалось неспроста: считалось, что тех, кто благополучно – не облевав соседей и не сорвав голосовых связок – доехал до конца, бодрость духа не покидает три дня и три ночи...

Табличка у кассы сообщала: к катанию на «Бодролете» допускаются только лица, достигшие пятнадцатилетнего возраста.

По большому счету, возрастной ценз можно было смело доводить до двадцати. Ведь «Бодролет» был забористым развлечением. Даже у бывалых смельчаков кружилась голова и подкашивались ноги. Иные девушки после заезда так и вовсе начинали плакать и биться в истерики. А бумажными пакетами с отторгнутым содержимым желудков были забиты все окрестные урны.

Впрочем, любители поехать на «Бодролете» не переводились. Уж очень скудным по части культурного досуга местом был город Северо-Восточный.

Помимо школьников старших классов, к числу завсегдатаев аттракциона относились солдаты срочной службы из соседней учебки. Взлетая на высоту сотен метров и ввинчиваясь штопором в землю, потенциальные пехотинцы Вованы и Толяны представляли себя пилотами-истребителями, штурмовыми десантниками, воздушными эквилибристами...

Популярным развлечением среди солдат были споры на предмет того, кто сколько заездов потянет без перерыва – то есть не выходя из вагончика. Спорили, естественно, на деньги.

Кататься на «Бодролете» больше двух раз подряд строжайше запрещалось правилами парка. Но смотритель аттракциона отставник Палпалыч глядел на солдатские забавы сквозь пальцы. «Дело ж молодое!» – говорил он, объяснительно разводя руками.

Просил только «не хыркать» без пакета.

Абсолютный рекорд, установленный кадровым сержантом Айрапетяном, составлял шесть заездов. То есть в общей сложности тридцать шесть минут непрерывной тошнيلовки.

Солдаты топтались возле касс, заключали пари, обсуждали недавний подвиг Айрапетяна, а также специальные техники, которыми он якобы пользовался во время установки рекорда («Главное – глаза не закрывать и не жрать перед этим делом!»). Они примеряли на себя роли покорителей аттракциона, тянули из жестяных баночек слабоалкогольную газированную гадость с романтическим названием «Светлая грусть» и умеренно сквернословили.

– А я, слышь, на тех выходных четыре раза сделал, только так! И нормальненько! – хвастался солдат, лицом похожий на утенка, а комплекцией – на аиста.

– Тоже мне, – хмыкал его рослый, стриженный под ноль товарищ. – Четыре – это не номер. Вот я почти пять на День Города сделал!

– Почти не считается...

– Не понял? – с угрозой осведомлялся первый.

– Вот ты с девушкой когда... ну это... Ты же не говоришь, что ее почти того?

– А чего? «Почти того» – это все равно что «того»! – сально улыбался стриженный.

– Вы говорите загадками, друзья мои, – вступал в разговор сержант, любясь своими до блеска начищенными ботинками. – «Того», «сего»... Между прочим, для обозначения интимных отношений между мужчиной и женщиной в русском языке имеются специальные слова!

– Только они, по-моему, непечатные... – ухмылялся «утенок».

Когда очередной содержательный спор зашел в тупик, к солдатскому коллективу причалила симпатичная школьница. На ней было ситцевое платье в горошек и лакированные босоножки. Часики на черном кожаном ремешке подчеркивали тонкость ее запястий.

– Какие сегодня ставки? – деловито осведомилась школьница, нервически обтрепывая ремешок своей театральной сумочки.

– В банке триста терро, мадемуазель, – возвестил сержант, бесцеремонно разглядывая подошедшую. – Они достанутся тому, кто сделает на «Бодролете» шесть раз и... не... как бы это поделikatнее выразиться...

– И не сблует, – уточнила Таня.

– Именно!

– Тогда я сделаю шесть!

Двое рядовых недоверчиво присвистнули.

– Поспорим? – Девчонка нахально уперла руку в бок и с вызовом посмотрела на сержанта.

– Давай-давай, сопливая, – вполголоса процедил тот.

Вскоре сетчатая ограда «Бодролета» была уже густо облеплена любопытным народом – солдатами, молодыми рабочими с космодрома, празднующими мальчишками и обычными ничем не примечательными горожанами, вышедшими в парк на воскресный моцион.

Смотритель аттракциона Палпалыч ерзал на своем насесте и недовольно хмурился.

Он не одобрял поведения девчонки – ведь то, что она собиралась вытворить, было совершенно против правил!

А вдруг школьницу кондрашка хватит на пятисотметровой высоте? Причем не на шестом заезде, а с на самом первом? Ведь вагончик-то прозрачный – и сверху, и снизу. Бывали уже такие случаи, между прочим!

Но девчонка проявила бабское упрямство и мужскую волю к победе.

Покупая шесть билетов, она просто-таки сверлила его взглядом! Она возмущалась и совала ему под нос справку из поликлиники со свежими голограммами печатей. Мол, здорова. И физически, и психически. Да и солдаты тоже наседали...

Но главное, самому Палпалычу тоже было любопытно, чем кончится пари.

Ведь не каждому мужику под силу выдержать даже три раза (если только он не пилот какой-нибудь, там у них всякие тренажеры). И уж кто-кто, а Палпалыч это знал совершенно доподлинно.

«Эх, не случилось бы беды», – вздохнул бывалый отставник и нажал на кнопку «Пуск».

Первый заезд. Зрители равнодушно наблюдают за тем, как тележка взмывает ввысь, закладывает виражи, несется в пропасть и снова летит к солнцу. Девчонкины косы ожесточенно треплет недюжинный ветер. Кажется, она закрыла глаза. Ну конечно, ей страшно!

Впрочем, первый раз – это неинтересно. Первый выдерживают все. Даже отпетые хлюзды.

Второй заезд. На лицах зевак начинает проступать нечто, похожее на заинтересованность. А вдруг девчонка не выдержит прямо после второго? Но нет, машет из вагончика рукой: мол, все в порядке. И улыбается.

Третий. То же. И снова машет. Разве что не улыбается. Выносливая, видать.

Когда окончился пятый, зрители взорвались аплодисментами.

А когда вагончик, вдоволь налетавшись в вышине, в шестой раз причалил к стеклянной будке нижней станции, а Таня, бледная как смерть, но все-таки совершенно невозмутимая, ступила на дощатый помост, толпа, которая за время ее полетов стала только больше, восторженно загомонила:

- Ну дает деваха!
- Да она просто зомби какой-то!
- Спорнем, она не человек, а андроид!
- Да какой, в баню, андроид, это же Танька Ланина из четырнадцатой школы!
- Кучу бабок отхватила на ровном месте!
- Ни фиги себе ровное место! Кошмар такой...
- Такая бледная, может, ей надо «скорую» вызвать?

Но никакой «скорой» Тане не требовалось.

Она хлопнула дверцей вагончика, уверенно сошла по ступенькам на землю и вполрта улыбнулась Палпалычу, который протянул было ей бумажный пакет.

Пряча в мамину театральную сумочку свой гонорар, который, кисло скривившись, протянул ей щеголь-сержант, Таня как можно громче заявила:

– Я и семь раз могу, товарищи. Кто не верит – готова доказать! Встречаемся в следующее воскресенье на этом же месте. И в это же время...

Призвав себе на помощь все свое самообладание, Таня медленно зашагала по направлению к центральной аллее, следя лишь за тем, чтобы не шататься. На ее лице цвела торжествующая улыбка. Еще бы! Триста терро – за час работы!

В следующее воскресенье она заработала еще триста, накрутив семь рейсов на глазах у двухсот зрителей в форме цвета «хаки». Да здравствуют чудодейственные яйца мафлингов!

Первый летний месяц принес Тане Ланиной восемьсот шестьдесят терро (три воскресенья минус цена билетов и мороженого).

А еще тысячу Таня заняла у дедушки Ильи Илларионовича, главврача военного госпиталя, что располагался в субарктической зоне планеты Екатерина.

Глава 3

Темное время фактических суток

Февраль, 2622 г.

Лагерь нравственного просвещения им. Бэджада Саванэ

Планета Глагол, система неизвестна

Я познакомился с Богданом Меркуловым 21 февраля, на сорок второй день войны.

Поскольку фактические сутки на Глаголе были почти втрое длиннее стандартных, номинальное утро 22 февраля ознаменовалось не привычным для коренного землянина восходом солнца, а, наоборот, наступлением темноты. На западе между черными тучами еще розовела тонкая прожилка закатной ветчины, но восток уже полностью находился во власти звезд и Магеллановых Облаков.

Поскольку по конкордианским понятиям все мы были *анерами*, то есть иностранцами и иноверцами, принимать участие в молитвах нам запрещалось.

Впрочем, мы не попадали и в категорию *друджвантов* — «приверженцев лжи», то есть закоренелых грешников, клеветов Ангра-Манью и последовательных врагов учения Заратустры.

Вот если бы кто-то из нас на глазах у клонов позволил себе пнуть собаку... Или, скажем, плюнул в костер... Или, что будет понятно и ортодоксальному христианину, вступил со своим товарищем в интимную связь...

В отношении такого мерзавца заработали бы одновременно оба конкордианских законодательства: светское и религиозное. Преступник автоматически переводился из категории анеров в друджванты, проходил через два суда — заатарское Обсуждение и военный трибунал — и получал два приговора.

Я знаю клонское религиозное право только в самых общих чертах, но, кажется, за плевков в костер заатары вынесли бы наказание — плетей пятьдесят, — то есть дозу, близкую к смертельной. Ну а трибунал пехлеванов, учитывая условия военного времени, скорее всего перекрыл бы эти пятьдесят плетей расстрелом с формулировкой «За подрыв авторитета Великой Конкордии». Правда, это все равно не спасло бы бедолагу от предварительной порки.

Одним словом, мрак. Конкордианские законы лучше было не нарушать.

К счастью, четвероногих врагов заключенного в лагере не держали вовсе, а огонь мы видели только в походно-полевом переносном алтаре, и доплунуть до него не смогли бы даже самые зловредные.

Однополой любви если кто-то и предавался — хотя лично я твердо уверен в обратном, — то умело скрывал свои сексуальные преступления от лагерного начальства. Ну а почти все прочие зороастрийские грехи и табу отвечали нашей, российской морали. В самом деле, не собирались же мы от нечего делать убивать друг друга, осквернять могилы, подделывать платежные карточки, лжесвидетельствовать и отравлять колодцы!

Поэтому все заключенные лагеря, к счастью для нас, пока что считались пехлеванами-анерами.

И, по-моему, высокое начальство из Главного Управления Лагерьей лелеяло надежды, что со временем кое-кто из нас превратится в *ашвантов*, то есть искренних приверженцев зороастризма.

В самом деле: что происходит в «лагере нравственного просвещения»? Думай головой: нравственное просвещение. Результатом которого должно стать что? Правильно: увеличение числа ашвантов во Вселенной.

Нам оставалось только гадать, какие там еще у заотаров задние мысли на наш счет, но все декларируемые планы были именно такими: «Дружба-мир, даешь скорейшее окончание войны и гуманное обращение с пленными офицерами Объединенных Наций». И, что занятно, все, происходившее в лагере до 22 февраля, свидетельствовало о том, что задних мыслей у клонского начальства вовсе нет.

Ага, как же...

Итак, молиться нам было нельзя (потому что анеры), но присутствовать в качестве зрителей на утреннем молебне нам все-таки вменялось в обязанность (потому что пехлеваны).

Прогул молебна считался грубым нарушением лагерного регламента и наказывался в безусловном порядке пятью сутками изолятора.

Утреннее построение, переключка и молебен шли одним пакетом.

В 6.30 по стандартному времени мы строились в одну шеренгу вдоль Тверской – каждая группа перед своим баракком. Для упрощения процедуры старейшины групп держали в руках одноразовые бланки, на которых были крупно выведены количество человек в бараке и число присутствующих на построении. Ниже ставились еще две цифры, почти всегда равные нулю: сколько людей отсутствует с ведома администрации лагеря, а сколько – в самовольной отлучке.

В то утро, однако, в третьей строке нашего бланка был проставлен не нуль, а единица. Все правильно: кавторанг Щеголев пребывал в изоляторе.

К нам вышел комендант Шапур. Редкая птица – обычно он посылал вместо себя кого-то из замов. Пройдясь взад-вперед и предоставив своему адъютанту собрать бланки у старейшин, Шапур остановился посередине Тверской и произнес речь.

Примерно такую.

В цитадель прибыла рота лучшего во Вселенной егерского корпуса «Атуран». Рота будет временно базироваться рядом с лагерем, на западной половине плато.

И действительно. Окончательно проснувшись только в середине речи Шапура, я обратил внимание, что света от многочисленных прожекторов стало больше, чем в предыдущие номинальные «дни», приходившиеся на фактические ночи. И теперь недалеко от желтой таблички, где мы развлекались игрой в «ложки», серели обтекаемые надувные палатки – ни дать ни взять стадо слонов на отдыхе.

Так вот чем были нагружены машины вчерашнего конвоя! Удивительно все-таки, как они умудрились без особого шума протащить свою роту по Тверской, другой ведь дороги от ворот цитадели не было. Правда, сон у меня богатырский, не жалею. Они тут и на танке могли кататься – я бы ухом не повел...

Вторая половина речи Шапура логически вытекала из первой.

– Администрация лагеря всецело полагается на офицерскую честь и человеческое благоразумие наших гостей. Мы по-прежнему не считаем нужным принудительно ограничивать свободу ваших перемещений. За вами остается право проходить через Западный КПП в любое время суток. Однако в том случае, если вы попытаетесь преодолеть временные ограждения бивуака ударной роты, часовые будут стрелять без предупреждения. Также мы убедительно просим не приближаться к находящимся на плато бойцам ближе, чем на десять метров. Попытки резко сократить дистанцию могут быть поняты как стремление к захвату боевого оружия, что также приведет к нежелательным последствиям. Учитывая, что сейчас настало темное время фактических суток, наиболее разумным было бы вообще отказаться от пользования Западным КПП. Это все. У старейшин групп есть право задать мне вопросы. Не более двух.

Ха, вопросы! Миллион!

Соблюдая субординацию, все старейшины посмотрели в сторону вице-адмирала Лемке, который начальствовал над особым, «адмиральским» баракком, где проживали наши горе-нелсыны, носившие звания от эскадр-капитана до вице-адмирала.

Полных адмиралов, к счастью, у нас не водилось.

То ли такая крупная добыча в лапы клонов еще ни разу не попадала, то ли полных адмиралов поселили к столице поближе, во дворцах хрустальных и в хоромы белокаменных... К слову, по единодушному мнению нашего барака, клоны с нашими адмиралами что-то перемудрили. Какой смысл держать их на общих основаниях в том же лагере, что и мелкую рыбешку вроде лейтенантов? По-моему, никакого.

Впрочем, в Конкордии кастовая система легко уживается с непривычным для нас демократизмом в пределах одной касты. Наверное, по мнению Главного Управления Лагерьей, адмиралы были просто счастливы встречаться в одном пищеблоке со своими возлюбленными коллегами: капитанами и лейтенантами. То есть клоны хотели как лучше?..

Вице-адмирал Лемке высокомерно глядел в направлении Магеллановых Облаков и молчал. Не было у него никаких вопросов к этой шелупони земноходной, пехотному майору, да к тому же вражескому. И быть не могло, товарищи!

А вот у других старейшин были. Причем у всех. Но вопросов комендант разрешил задать только два, а потому наши капитаны испытывали известные затруднения. Кто будет спрашивать? И в какой очередности?

Однако это только я, наивный, полагал, что подобные нюансы способны загнать их в тупик. Наши каперанги, имея за плечами по двадцать лет службы, понимали друг друга без слов. Терентьев уступил свое право на вопрос Гладкому, Жемайтис и Лещенко уступили Канюку, а больше каперангов на должностях старейшин не было.

– Господин майор, – спросил Канюк, – с какими целями прибыло сюда подразделение корпуса «Атуран»? Не сочтите это за второй вопрос, но не станет ли планета в ближайшее время новым театром боевых действий? Как вы понимаете, мой вопрос продиктован не стремлением проникнуть в военные тайны Конкордии, а опасениями за безопасность своих товарищей по оружию.

Шапур кивнул.

– Понимаю вас, каперанг. «Атуран» прислан сюда с учебными целями. Безопасность гостей нашего лагеря от прибытия егерской роты никак не пострадает. Разве что укрепитя... Второй вопрос?

Гладкий, похоже, хотел узнать то же самое и был вынужден теперь придумывать экспромтом что-то позаковыристее:

– Господин майор, я знаю, что администрация лагеря не любит обсуждать с нами особенности этой планеты... Но все-таки: если боевая рота первой линии прибывает сюда с учебными целями, не означает ли это, что она каким-то образом намерена использовать известные особенности местности?

Гладкий имел в виду Муть, воду-желе и все прочие прелести. Шапур это тоже понял прекрасно. Но отвечать на подобные вопросы ему мешал строгий запрет командования, а потому майор предпочел выкрутиться бесхитростно, но эффективно:

– Не понял вашего вопроса, каперанг. А теперь простите, я должен идти. Служба...

Он сделал несколько энергичных шагов к цитадели, затем резко остановился.

– Да, кстати. Поскольку переносной алтарь у нас только один, его используют для утреннего молебна на бивуаке егерской роты. Вам туда вход запрещен, поэтому до завтрака – свободны.

Это было славно, но меня тем временем посетила одна мысль, от которой засосало под ложечкой: «Ладно там, „учения“. Если конкордианским головорезам сильно хочется разгуливать по аномальным зонам – на здоровье. Да как-то не очень верится... Можно подумать, до них здесь всякие мученики науки не нагулялись! А вот зачем они приперлись прямо в наш лагерь? Не означает ли это, что в своих проклятых „учебных целях“ они намерены использовать нас?»

Пока мы завтракали, прилетели вертолеты. Что-то у них тут затевалось... И не надо нам лапшу на уши вешать, господин Шапур! Если это «что-то» было учениями – значит, я никогда не видел учений.

Все мы бодро подобрали с тарелок омлет и высыпали из пищеблока любоваться на винтокрылую технику. Что ни говори, а хоть своя она, хоть вражеская – все равно загляденье. Пилот, которого насильно разлучили с небом, без техники не может. А если может – значит, не пилот.

Вертолетов было пять. Один из них – легкая командно-штабная машина – приземлился рядом с бивуаком, но движок не глушил. Тарахтел себе на малых оборотах. Одни клоны из него выпрыгивали, другие запрыгивали... Суетились, короче говоря.

Еще две пары – многоцелевые «Сапсаны» – висели прямо над нами, метрах в семидесяти. У ведущих пар под левыми крыльями были размещены разведывательно-поисковые контейнеры – «селедки», их ни с чем не спутаешь. На остальных точках висели оружейные блоки.

Все четыре «Сапсана» неожиданно включили мощные фары и осветили соседнее плато.

Тут-то ко мне и подвалил Злочев. Вид у него был такой, будто у него из кабинета кейс с шифровками умыкнули. Только ведь не было у лейтенанта здесь ни кабинета, ни кейса!

– Саша, дело есть, – прошептал он. – Пока вертолеты шумят, надо поговорить.

Я кивнул. Мы, стараясь не привлекать к себе внимания и продолжая глазеть на вертолеты, потихоньку отошли в сторону.

Это было разумно. Клоны наверняка прослушивали всю территорию лагеря. Но не могли они в такой обстановке – посреди Тверской, забитой сотней болтающих офицеров, да еще под воинственный звон своих вертолетов – выборочно нацелиться именно на наш разговор!

– Насчет Меркулова, – начал Злочев.

– Дернуть отсюда собрался? Тебя хотел прихватить как спеца?

– Точно. Только... У меня дурные предчувствия. Очень.

– Ты, главное, не ведись на его психи. А в остальном – мы ему не няньки.

– Не в этом дело. Ты знаешь, что он воду пил – из лужи в Курилке?

– Знаю, я же с ним вместе был. Вроде без последствий... Или он тебе пожаловался, что у него рожки режутся и на кровушку христианскую тянет?

Но Злочеву было не до шуток. Настолько не до шуток, что он пребольно ткнул меня кулаком под ребра.

– Слушай внимательно и отнесись серьезно. Меркулов мне сказал, что сегодня ночью я кричал как резаный. Он проснулся, подошел к моей постели – а я лежу не шевелясь. Будто покойник. Он ко мне притронулся – а я весь холодный, ледяной, понимаешь?

– Понимаю... Но что-то я не слышал, чтобы ты кричал.

– В том-то все и дело. Меркулов проверил у меня пульс – и не нашел. Хотел разбудить Гладкого, оглянулся – и... и проснулся.

– Так и думал, – вздохнул я с облегчением. – Ну, сон. И что?

– А то, что он в своем сне мою смерть видел. Ты разве не понял?

– Мало ли что этот контуженный видел. И тем более мало ли что он тебе рассказал. Ты из-за этого так разволновался?

– Понимаешь, Саша, я ведь тоже местную воду пил. Правда, не там, где Меркулов. А когда уже совсем неумоготу стало, под седьмым слоем.

– А ведь не признавался...

– Я много в чем не признавался. Так вот после этого мне тоже интересный сон был. Будто привезли к нам в лагерь какого-то пленного лейтенанта. Звали его Александр Пушкин. Я тогда подумал: что за литературные фантазии? Вот кавторанг Толстой есть в бараке у Жемайтиса. Для полного счастья Лермонтова с Буниным не хватает... А через пять дней ты и объявился.

– Уверен? А то знаешь, как во сне бывает...

– Знаю. Там и было как во сне, сумбурно. Я не увидел именно то самое, что потом произошло *на самом деле*. Но главное: лейтенант, пилот-истребитель, Александр, Пушкин – все совпало.

– Ладно. Ты меня заинтриговал. Что дальше?

– А ничего. Послал я Меркулова с его предложениями. Все равно никакой перспективы у побега нет.

Когда Злочев произносил эти слова, я почувствовал, как он чем-то тычет мне в левую ладонь (мы стояли бок о бок). В следующее мгновение мои пальцы нащупали скомканную в шарик бумажку.

– Ну и правильно, – сказал я бездумно, принявшись лихорадочно соображать, где бы найти такой уголок, чтобы спокойно прочесть записку Злочева. Ясно же было, что самое важное – в ней!

Сквозь треск вертолетов откуда-то со стороны пробилось гудение флуггеров – его ни с чем не спутаешь.

– Смотри что творят. – Злочев ткнул пальцем в «Сапсаны».

Винтокрылые хищники тронулись наконец с места и осторожно поползли к соседней горе, по-прежнему освещая ее фарами.

Несколько звезд, расположенных на одной прямой, подмигнули – флуггеры пронеслись, что ли?

Я уже не знал, куда смотреть – искать в черном небе флуггеры или наблюдать за десантом. Становилось все интересней!

Два «Сапсана», снизившись под прикрытием другой пары, высадили на соседнее плато взвод егерей. Вслед за бойцами вертолеты выгрузили тюки со снаряжением. Последними появились на сцене автоматические минометы на кургузых самоходных шасси с уродливыми вздутиями барабанов боеукладки.

Но и флуггеры не бездельничали.

Над далекими плоскогорьями беззвучно поднялись в небо огненные гейзеры. В отличие от обычных гейзеров столбы огня не провалились внутрь самих себя, а трансформировались самым неожиданным образом. Каждый столб за полсекунды превратился в перевернутый конус и, опадая вниз, расширялся все больше и больше, накрывая площадь в десятки тысяч квадратных метров и выжигая каждую былинку.

Это были крупнокалиберные планирующие бомбы с зажигательной росой – оружие незатейливое и против регулярной армии малопригодное, потому что хорошая, усиленная полевая экипировка пехоты от него неплохо защищает. А бронетехнике это вообще как дезинфицирующий душ.

Но вот против незащищенной живой силы, против стайных хищников или опасных насекомых – зажигательная роса самое то.

Но что они жгут здесь, в безвестном ущелье на незаселенной планете с крайне скудной биосферой? Отару овец? Тучи хфрастра?

– Ни хрена себе, – восхитился Лева-Осназ. – Вот так вжарили!

– Потихе, товарищ, – осадил его эскадр-капитан из адмиральского барака, чьей фамилии я не знал. – Вы не допускаете, что бомбят наших союзников?

– Каких союзников, товарищ эскадр-капитан? – отозвался Канюк.

Офицер пожал плечами.

– Откуда мне знать.

Но это был еще не конец представления.

К работе подключились минометы, десантированные на соседнее плато. После каждого выстрела меняя на сотую долю градуса угол горизонтальной наводки, они принялись мето-

лично забрасывать минами невидимого супостата. Один вертолет с «селедкой» под крылом свечой пошел вверх – чтобы было сподручней корректировать огонь.

Остальные три вернулись на бивуак. Там они приняли на борт следующую порцию десанта и взлетели вместе с командно-штабным вертолетом. Сразу после взлета машины погасили фары и навигационные огни и быстро растворились в темноте.

Когда минометы, расстреляв половину боеукладки, заткнулись, стало тихо.

«Сапсан»-корректировщик ушел вслед за десантом. Взвод, оставшийся на соседнем плато рядом с минометами, деловито оборудовал огневые позиции фронтом на север.

– Типичная зачистка, – прокомментировал Лева-Осназ. – Бомбежка, огневой налет – и десант. Если они делают все точно по науке, еще два-три подразделения с вечера должны были перекрыть вероятные пути отхода противника. Вот эти, с минометами, – почти наверняка тоже заслон, выдвинутый для подстраховки. Эх, тоскуют руки по «Нарвалу»...

Лева до хруста сжал пальцы, вцепившись в воображаемый автомат «Нарвал» – визитку российского осназа.

– ...Если бы мы первыми тогда ударили, – мечтательно продолжал он, – я бы сейчас недобитков клонских на Хварэне зачищал... Ох я бы их чистил... До полного блеска...

«Если бы мы первыми ударили» было темой больной, а потому запретной.

– Еще повоюете, дружок, – сказал вице-адмирал Лемке. Нежно, будто внука по головке погладил.

Если при свете дня на тропе было неудобно, то в темноте – страшно. Не постесняюсь признаться: *очень* страшно.

Однако Злочев недаром рассказал мне про вещие сны.

Меня зацепило.

Поэтому когда на клочке бумаги, который он мне подсунул, я прочел «Сегодня сразу после обеда иди к Курилке», у меня и мысли не возникло проигнорировать его просьбу.

В другой ситуации я бы возмутился: что это, дескать, за детский сад, что за казаки-разбойники?! Но на этот раз я отнесся ко всему происходящему очень серьезно.

И хотя ни один вменяемый человек по тропе в темноте не гулял, я все-таки решительно отправился в это крайне неприятное путешествие.

Настроение мое немного улучшилось, когда я обнаружил, что из-за гор выглянула макушка небесного тела тревожного красноватого оттенка. В прошлые ночи ничего подобного не наблюдалось. Я по крайней мере здешней луны ни разу не видел. Диск у нее был раза в два меньше нашей, земной Луны, но альbedo оказалось будь здоров!

Злочев покинул пищеблок раньше меня. «Значит, решил прийти в Курилку первым», – думал я, выходя на Тверскую.

Когда мы жевали кебаб, все еще было тихо, но теперь на бивуаке егерской роты снова стоял шум и гам. Возвратились все пять вертолетов. Пока я вышагивал к Западному КПП, они один за другим заходили на посадку.

К слову, каждый пилот вертолета соблюдал летные наставления с педантизмом Генерального Инспектора армейской авиации. Следующий вертолет начинал снижаться только после того, как предыдущий полностью стопорил ротор и начинал выгрузку.

И правильно: места было не так уж и много – кое-что отожрали палатки, а добрую треть свободной части плато занимала аномальная зона.

Что меня удивило, так это отсутствие световых маячков по периметру зоны. Разве в армии так делают? Недосмотр или забывчивость пилота – и вертолет, снизившись над безобидной россыпью гравия, тут же встанет вертикально. Хорошая получится игра в «ложки», когда вертолет вышвырнет из аномальной зоны и он всей тушей в палатки врубится!

Этак можно в одном ЧП полроты потерять...

Но вертолеты садились куда надо, никого в аномальную зону не заносило, и я подумал, что, вероятно, просто чего-то не понимаю.

Когда я подошел к Западному КПП, то без особой радости обнаружил, что со стороны бивуака ко мне трусцой приближаются два егеря в полной экипировке. Я решил, что их появление меня не касается – бегут себе и бегут. Небось минуют КПП по касательной и двинут дальше по своим делам. Смена наблюдательного поста или что-нибудь такое...

Но стоило мне оказаться перед турникетом и достать удостоверение военнопленного, как один из них вскинул автомат и ожесточенно залаял.

На фарси я знаю два десятка слов. И почти все из них, как назло, абстрактные религиозно-этические понятия. Ну, еще пару воинских званий на слух различаю... А толку?

Переводчика у меня не было. У этих башибузуков – тоже.

«Меня ждет Злочев. Меня ждет Злочев», – два раза повторил я для храбрости и, прикинувшись идиотом, вставил удостоверение в сканер турникета.

Правда была на моей стороне, ведь майор Шапур сказал, что мы по-прежнему можем ходить куда вздумается! И значит, я имею полное право пойти на тропу, споткнуться, свернуть себе шею, попасть под *пробой* ... это мое личное дело!

Но эти двое полагали иначе.

Они были уже совсем близко. Один егерь продолжал на меня орать, откинув для удобства поляризованное стекло боевого гермошлема. Другой хранил царственное молчание, оставаясь полностью закупоренным в свою рейдовую экипировку и не сводя с меня жерла автомата.

И хотя мне в ту минуту было не до подробностей, я с изумлением отметил, что моей молодой жизни угрожает... наш «Нарвал»! Знают, гады, что «российское» значит «отличное»...

«Хорошо, что Левы-Осназа со мной нет. Расплакался бы в приступе ностальгии...»

Турникет раскрылся. Если бы тупые служаки не свалились как снег на голову, шел бы я себе спокойно на разговор со Злочевым. На каких-то три минуты опоздал! Надо было не играть в конспирацию, а сразу вслед за лейтенантом из пищеблока выходить, пока их «Сапсаны» были еще невесть где!

– Автоматика подтверждает мое право на выход с огражденной территории, – сказал я яростно, глядя прямо в черные глаза того, разговорчивого. – Это какое-то недоразумение. Обратитесь к своему командованию, пусть свяжется с администрацией лагеря.

Кто есть знать рюски? Никто знать рюски.

Рюски, дойчски, спански – собачья речь друджвантов.

Егерский корпус «Атуран» – это не разведывательные части. И даже не диверсионно-разведывательные (как «Скорпион», который геройствовал в моем любимом фильме «Рыжие дюны Ишкаты»).

«Атуран» – это, если называть вещи своими именами, эскадроны смерти. Никакие задачи, кроме «найти и уничтожить», перед ними не ставятся. «Найти» – это я даже хватил лишку. «Уничтожить, растоптать, сжечь» – так правильнее.

При такой решительной постановке вопроса знание иностранных языков – излишняя роскошь.

Мой визави придерживался того же мнения. Услышав от меня собачью речь друджванта, убийца врагов праведной веры рассвирепел окончательно.

Он повернул свой автомат ко мне правым боком (у этого был не «Нарвал», а какая-то специфически клонская машинка для перфорации кокосовых орехов) и демонстративно, как бы с ленцой, перевел сектор боя в среднее положение.

Красноречиво: «Снят с предохранителя».

После чего молча прицелился мне в переносицу.

– Хорошо, ухожу, – сказал я, разводя руки в стороны. – Но у вас будут крупные неприятности.

Я отступил на пару шагов назад.

– Я буду жаловаться. Вам еще не поздно переменить свое решение...

Еще два шага назад...

Но судьбе было угодно все-таки провести меня через турникет. А когда судьба что-то на ваш счет решила...

С подножки командно-штабного вертолета, который, осторожно нащупывая землю, пританцовывал неподалеку, соскочил еще один егерь. Он был в такой же точно экипировке без знаков различия, что и мои обидчики, только автомат миролюбиво забросил за спину. В правой руке он держал какой-то неуместно белеющий предмет. Платок? Или шарф?

Почему-то я сразу решил, что это офицер. И не ошибся.

Он сделал ладонью удерживающий знак, чтобы я никуда не уходил, и прикрикнул на своих подчиненных.

Те повернулись к нему. Второй поднял забрало на макушку, открывая лицо в знак уважения к старшему, а первый начал что-то втолковывать. То, мол, да се... Небось: «Вот, господин офицер, поймали друджванта, надо его убить, пока не убежал».

Из всего сказанного я уловил только слово «сарван» – капитан. Похоже, передо мной был комроты собственной персоной. Впрочем, у клонов есть странная традиция устно обращаться к капитанам так же, как к сотванам, то есть лейтенантам. Поэтому звание и должность егеря с белым платком оставались под вопросом.

Офицер покивал, поморщился. Затем отдал короткое приказание, и обоих героев как ветром сдуло.

Это мне понравилось.

Он подошел к самому турникету (который успел закрыться) и поманил меня пальцем.

Вот это мне не понравилось: не очень-то учтиво. Но я все-таки повиновался.

– Я военнопленный, не сделал ничего предосудительного. – Хоть он и не понимал ни пол-слова, я решил говорить «для протокола»: авось на Западном КПП установлены микрофоны, из цитадели нас слушают, и у них это где-то записывается. – Хочу выйти на предусмотренную регламентом лагеря прогулку. Вот мое удостоверение.

Я показал ему карточку.

Капитан бесцеремонно вырвал ее у меня из рук, прочитал мои данные и... широко улыбнулся.

Продолжая улыбаться, он с шутливым полупоклоном вернул карточку, отошел назад и при помощи международной жестикуляции дал понять, что будет просто счастлив, если я немедленно выйду на свою законную прогулку. По крайней мере таков был мой перевод с языка жестов – как затем оказалось, не вполне точный.

«Слава тебе, господи», – вздохнул я и прошел через турникет, выслушав от своего удостоверения добрые напутствия и отеческие предупреждения администрации лагеря.

Улыбнувшись любезному офицеру, я собирался пойти своей дорогой, но не тут-то было.

Он протянул мне ладонь, натянутую в армированный халкопон, и представился:

– Ферван Мадарасп.

Мне ничего не оставалось, кроме как ответить на рукопожатие врага.

– Александр Пушкин.

Он задержал мою ладонь в своей, с интересом вглядываясь в мое лицо, будто узнал во мне сошедшего с небес первоучителя Римуша.

– Вы говорите по-русски? – спросил я, испытывая неловкость в первую очередь от того, что наше затянувшееся рукопожатие могли наблюдать ребята из лагеря. «Хоть бы Меркулов этого позора не видел...»

– Руски?

Он немножко подумал, потом замотал головой и произнес жизнерадостным тоном короткую, энергичную фразу. Выматерился, что ли?

Мою руку он при этом отпустил, но зато приобнял меня за плечи и потащил в направлении бивуака.

«Что делать? Что делать?! Злочев меня убьет! – паниковал я, понимая, что сопротивляться бесполезно. – И что этот Ферван-сарван вычитал в моем удостоверении такого особенного?!»

Не обращая внимания на мои протестующие жесты, Ферван Мадарасп смело провел меня через границу бивуака – толстый шнур желтого люминофора, натянутый между невысокими металлическими кольями. Переступая его, я тем самым автоматически нарушил запрет коменданта Шапура. Охрана должна была открыть огонь без предупреждения. Но, поскольку меня сопровождал офицер «Атурана», никто и не думал стрелять.

Ферван подвел меня к своему вертолету и заскочил в пилотскую кабину. Через пять секунд он выпрыгнул обратно, волоча с собой два легчайших шезлонга и оливково-зеленый чемоданчик, за которым тянулся шнур питания. Вот это техника... Из какого музея?

Щелкнули замки, чемоданчик раскрылся, и я был вынужден признать, что передо мной, вероятно, не что иное, как древний переводчик звездoproходцев. Да какой! Посерьезней современного «Сигурда» со всеми приставками!

Раскрытый чемоданчик ошетинился видеокамерами и сканерами эмоций, фонемосветовыми панелями, парой ЭМ-излучателей, газоуловителем и газосинтезатором! А на закуску из него высунулась похожая на хобот эластичная ложноножка, которая, надо полагать, воспринимала и эмулировала тактильные ощущения!

Эта машинка была произведена в те счастливые времена, когда человечество уже наткнулось на первые руины ксеноцивилизаций, но еще ни разу не встретило живого инопланетянина. Соответственно, звездoproходцы, то есть разведчики глубокого космоса, должны были готовить себя одновременно и к общению с самыми экзотическими формами разумной жизни, и к жесткой посадке из стратосферных высот прямиком на горные пики.

Уверен, девяносто процентов объема чемоданчика было занято не «мозгами» и прочей полезной начинкой, а ячеистыми амортизаторами, рассчитанными на прямое попадание метеорита.

Шучу, конечно. Какое там «прямое попадание»...

Офицер снял гермошлем. Теперь я мог рассмотреть его как следует – раньше подбородочный и лобный наплывы шлема закрывали его лицо ниже кончика носа и выше бровей.

Ферван оказался круглоголовым, темнолицым, до синевы выбритым и наголо остриженным субъектом лет тридцати, со сплюснутым «боксерским» носом. Учитывая его военную специализацию убийцы-чистильщика – вполне каноническая внешность.

Пока я, не скрывая скептической ухмылки, озираю переводчик, Ферван его включил.

Он надел пару наушников с микрофоном и протянул мне вторую. Затем выставил на пульте «Язык-1» и «Язык-2» при помощи очаровательных кнопок с картинками (я плакал!)... и... о чудо!... музейный экспонат заработал!

– Доставьте мне удовольствие, садитесь. – Ферван собственноручно разложил для меня шезлонг.

– Благодарю, господин... капитан?

– Прошу вас, без чинов! Называйте меня просто Ферван.

Вот, кстати, к вопросу о клонском демократизме.

– Хорошо... Ферван.

– Так вот вы, значит, какой! Тот самый неуязвимый пилот, который может выдержать прямое попадание торпеды! – Мой собеседник залился счастливым смехом.

– Я?.. А, ну да... Можно и так сказать. – Я принужденно улыбнулся. – Впрочем, вряд ли это моя заслуга...

– Ценю вашу скромность!.. Ценю! Но, согласитесь, не каждый день случаются такие казусы! И не со всеми! Тут определенно что-то есть! Когда я услышал вашу историю от Сиявуша – это мой брат, «скорпион», – думал, что они там на Фелиции совсем рехнулись. Но потом навел справки, опросил кое-каких знакомых... Оказалось – правда! А теперь вот встретил вас лично! Ну и как вы себя чувствуете?

«Хреново. Потому что из-за тебя с твоими восторгами Злочев сейчас сатанеет в темнотище, ожидая лейтенанта Пушкина. А подлый предатель Пушкин все не идет!»

Но не мог же я сказать, что думаю?

– Видите ли, Ферван, в плену люди обычно чувствуют себя не очень хорошо...

Вокруг нас кипела работа. Несколько человек пополняли боеукладку минометов. Один взвод по командам сержанта («делай раз... делай два...») чистил автоматы. Техники тестировали держатели опустевших боевых подвесок на вертолетах. Разведывательно-поисковая «селедка» послушно шевелила объективами и сенсорными фасетами, отзываясь на голосовые команды инженер-офицера.

Кто бы мог подумать, что эти ребята еще час назад гасили кого-то из всех стволов в затопленных Мутью ущельях!

Но кого все-таки, черт побери?!

А почему бы не спросить у Фервана? Что я теряю?

– ...И, если уж совсем начистоту, появление здесь вашей роты сильно испортило настроение мне и моим товарищам.

– Вот как? Почему?! – Его недоумение казалось искренним.

– Мы не рассчитывали, что у нас под боком начнется непонятная нам война. Мы думали...

– Так надо, – резко перебил меня Ферван. – Я тоже предпочел бы исполнять свой долг перед Родиной в другом месте!

«Ага, все-таки долг перед Родиной... Уничтожить, растоптать, сжечь?»

– И не только это. – Я тоже немного повысил голос. – Раньше у нас не возникало проблем с прогулками. А сегодня, вот только что, ваши люди под угрозой оружия пытались отогнать меня от КПП!

– Это недоразумение. Мы прибыли сюда в спешке, не успели предупредить бойцов о вашем режиме. Как командир части приношу вам свои извинения.

– Извинения принимаются. А сейчас – позволите ли мне быть свободным?

– А вы нетерпеливы... Вы даже не попытаетесь удовлетворить свое любопытство относительно нашей операции? Не захотите узнать, кого нашли сегодня мои пули?

«Змий-искуситель... Все равно ведь правды от тебя не дождешься!»

– Разве вы готовы рассказать? Вас не смущает, что я – враг?

– Я лучше подготовился к нашей встрече, чем вам кажется, – сказал Ферван. И посмотрел на меня так, будто он был приват-доцентом микробиологии, а я – инопланетным вирусом с силициевой квази-РНК. И вымерен я уже по всем атомам, и вирусофаг для меня синтезирован... – Я знаю, что кадет Александр Пушкин был представлен к медали «За Наотар», – продолжал он. – И когда остатки моего взвода прятались в подвале разрушенного дома на окраине поля с домнами, может быть, именно ваша эскадрилья отогнала, а потом сбила джипса, который готовился выжечь моих людей насуху. А еще я знаю – из первых рук, друг мой, – что капитан Риши Ар обязана вам если и не благополучием, то по крайней мере жизнью. Для меня это важно.

У меня голова кругом пошла. Услышав имя Риши, я на время даже забыл о Злочеве.

– Извините меня, Ферван, если я кажусь вам не очень дружелюбным... Клянусь, против вас лично я ничего не имею... Скажите мне, как там Риши? Что она?

– Служит. Как и все мы, – сухо ответил Ферван, но по его потеплевшим глазам я понял, что интонации моего голоса при упоминании Риши пришлись ему по нраву. Пехлеваны по своему сентиментальны, или лучше сказать – душевны. Есть множество ситуаций, когда воин, по мнению пехлевана, просто обязан открывать свое сердце товарищу по оружию. Даже если товарищ волею судеб оказался по ту сторону прицела...

– Ферван, умоляю, расскажите. – Я притронулся к его запястью кончиками пальцев.

Этот жест, крайне нетипичный для землян, привыкших при общении с малознакомыми людьми держать дистанцию в две вытянутые руки, при душевном разговоре с пехлеваном важнее любых слов. «Так надо. Так надо, Саша», – я не чувствовал себя циничным притворщиком, нет, я был искренен. Но некоторая часть моего «я» – та, что отзывалась на обращение «Товарищ Лейтенант Военфлота», – скептически глядя на ситуацию со стороны, ворчала: «Ну вот, докатились... Сегодня ты его умоляешь, а завтра Родину продашь?»

Ферван вздохнул, как бы нехотя поддаваясь на мои уговоры.

– Заместитель командира абордажной партии выполнил свой долг безукоризненно и успел снять с яхты «черный ящик». По результатам записей «ящика» было проведено служебное расследование. Риши Ар разжаловали в сержанты и перебрали на должность инструктора «Атурана». Вы, может быть, знаете, что ниже сержантского звания офицера-пехлевана опустить нельзя, за этим порогом – только расстрел. Я видел Риши Ар три дня назад на одной из наших баз, когда нас готовили к переброске сюда. Вот все, что я могу вам рассказать.

– Слава богу, теперь она далеко от линии огня!

– Все может перемениться в любую минуту...

Ферван не закончил фразу.

Он оказался прав: перемены только и ждут, чтобы всадить нам нож-саморез под лопатку. Динамики шлема, который лежал у моего собеседника на коленях, встревоженно закудахтали.

– Извините. Что-то важное.

Ферван сорвал наушники переводчика и принялся торопливо втискивать свою большую голову в шлем.

В следующую секунду на западном краю плато в унисон затрещали два автомата.

Мне показалось, я услышал ослабленный расстоянием крик. Ошибиться было невозможно: кричали на тропе – там, где дожидался меня Костадин Злочев.

Лейтенант в опасности!

Я вскочил на ноги, вырвав разъем наушников из гнезда.

Звякнув о камень, завалился набок шезлонг у меня за спиной.

Ферван что-то сказал, но теперь его слова вновь стали для меня всего лишь абракадаброй на фарси.

Не думая об очереди в спину, которую запросто можно было получить от клонских бульдогов, я побежал.

Я мчался со всех ног.

Желтый шнур я перепрыгнул, как крученный конкурсный жеребец – с запасом в метр.

У края плато двое клонских наблюдателей с широкополосным ноктовизором на треноге вели оживленные радиопереговоры. Оба смотрели на экран, при этом один докладывал обстановку, а другой целился в невидимого противника, переключив управление своим автоматом на ноктовизор.

На мое появление они, к счастью, никак не отреагировали.

Я как раз спрыгнул на тропу, когда автоматчик снова открыл огонь.

Скупая очередь.

Далеко внизу сверкнули вспышки, завизжали каменные осколки. Нити зеленых минералов отозвались тысячами искорок.

О чем я думал? Если клоны стреляли в Злочева, то, по логике, стоило мне появиться на тропе – и я должен был превратиться в их следующую мишень. Если же целью служил не лейтенант, а неведомый мне враг клонов – разумно ли было сломя голову нестись к нему в объятия? «Враг моего врага – не всегда мой друг» – такова грустная правда астрополитики.

Благодаря неожиданному явлению луны тропа оказалась залита призрачным световым сиропом. Конечно, на расстоянии метров в тридцать пейзаж все равно превращался в нерасчленимую густо-серую массу, но по крайней мере розоватые извивы тропы под ногами я видел неплохо.

Каждую секунду рискуя подвернуть себе ногу, я бегом спускался к роковой табличке «ПРОХОДА НЕТ».

Прошипела высоко над головой и разорвалась среди деревьев-«веников» реактивная граната. Зайцем в мясорубке заголосила невидимая тварь.

«Не человек», – автоматически зафиксировало сознание.

Следующая мысль: «Ранен или убит?»

Я окончательно осознал, что где-то поблизости присутствуют существа, которые не относятся к надвиду *homo sapiens varius*.

Из тени скальных ворот, за которыми начиналась Муть, мне навстречу шагнуло нечто горбатое, в две трети человеческого роста. Воображение мое разыгралось до такой степени, что в первую секунду я принял его за фантомный сгусток Мути, которая-то и есть истинный разумный властелин планеты.

Что поделать, все мы были маленькими! Все читали в школьных хрестоматиях о мыслящих океанах и наделенных коллективным разумом тучах ядовитой саранчи. Претерпевающей прямо на лету удивительные мутации, а как же.

Я стал как вкопанный.

– Кто здесь?!

– Са... ша... – прохрипело существо и сделало еще один неуверенный шаг.

– Костя! Живой!

Злочев ненавидел, когда его имя сокращали до русского «Костя», но за глаза мы все называли его именно так. Сейчас мне было не до «Костадинов».

– Саша... – выдохнул он, упав на колени.

Я присел перед ним, схватил за плечи.

– Ты ранен?

– Саша, важно...

У него не было сил держать голову, он говорил совсем тихо, глядя на носки моих ботинок.

– Исток существует...

– Какой исток?!

– Для наших... ГАБ... Никому... Запомни... Исток существу...

Он умолк. И сразу стал таким тяжелым, что я еле удержал его.

Над краем плато взревели поднятые по тревоге вертолеты. Пальба разгоралась – но стреляли, кажется, в основном с соседней горы.

Соображал я, однако, на удивление неплохо. Главное – быстро. Наверное, потому, что заранее приготовил себя к самому худшему.

Бережно опустив потерявшего сознание лейтенанта на спину, я тут же обшарил его карманы. Оставил в них только удостоверение военнопленного.

Добычей моей стали несколько мятых салфеток, какая-то палочка (карандаш? маркер? фонарик?), пачка сигарет, носовой платок и горсть мелких тяжелых предметов (камешки?).

Все это я взял себе. Так было надо.

Я даже не проверил пульс Злочева! Я не кричал «Друг! Держись!».

Потому что вместо театральных подмостков подо мной была залитая кровью лейтенанта чужая земля.

С кровью уходила жизнь моего товарища, а с жизнью уходила Его Тайна. И если только ключом к ней не были слова «исток существует», то может быть – записка, схема, рисунок?

Я подумал секунду – и засунул Злочеву в нагрудный карман свои сигареты. В его пачке могло быть спрятано что-то важное, в моей – точно нет. Если клоны будут его обыскивать, отсутствие сигарет у заядлого курильщика вызовет подозрения, и тогда возникнут лишние вопросы ко мне. Эх, не возникли бы эти лишние вопросы безотносительно к содержимому карманов Злочева...

В следующий миг нас накрыл сноп света из фар вертолета, который снижался в опасной близости от утесов. Боевых подвесок на вертолете не было, но эту птичку я не назвал бы безвредной. В открытой бортовой двери загудел автоматический гранатомет.

Я вскочил и замахал руками над головой. Пусть стрелки видят, что перед ними – русский офицер, а не местный неведомый враг.

– У меня раненый! Нужна эвакуация! – Я орал так, что чуть не оглох от собственного крика.

Бестолковая трата сил. Те, в вертолете, и услышать-то меня не могли, не то что понять.

У меня за спиной – там, где при свете дня можно было видеть крутую щебенистую осыпь, – послышалось нехорошее шуршание.

Я мгновенно обернулся.

Да-а-а, было от чего потерять голову.

Муть, как я уже говорил, видна только изнутри. При взгляде извне невозможно заподозрить, что в двух метрах под тобой стелется верхний край первого слоя. Раньше так было всегда. И при свете дня, и в темноте.

Но за те несколько секунд, что я, отвлекшись от Злочева, сигналил вертолетчикам, все изменилось.

Под тропой провисли бескрайние крупноячеистые сети, сплетенные из крошечных роящихся частичек. То тут, то там намечались нанизанные на длинные нити сгущения, напоминающие картофельные клубни.

Эта апокалиптическая картина бесчинствующей материи стремительно теряла четкость, затягиваясь густой серой пеной, какой-то фантомной воздушной кукурузой, я не знаю, как еще назвать эту дрянь.

Муть *проявлялась*. И она – наступала.

Итак, я обнаружил, что стою на краю безбрежного облачного моря. А в следующее мгновение стало ясно, что его поверхность постепенно приближается к тропе. Казалось, что это не Муть поднимается, а наша гора тонет в зыбкой нави – как торпедированный американский авианосец в волнах Персидского залива на знаменитом полотне Арцибашевского «Последний бросок на Юг».

Панический страх валил меня с ног, но я не мог позволить себе незатейливой роскоши бегства. Со мной по-прежнему был лейтенант Злочев.

Вот теперь я наконец проверил его пульс.

Да, жизнь в нем еще теплилась.

Кто не видел подступающей Мути – пусть меня осудит. Признаюсь откровенно: меня не обрадовало, что сердце моего товарища еще бьется. Потому что вся ответственность за его жизнь ложилась на мои плечи неподъемным грузом. Вынести его я не успевал – Муть должна была накрыть нас с головой минуты через две. Насчет ее безвредности в текущем качестве возникали серьезные сомнения.

И вот: убежать, бросив Злочева, – бесчестно. А как спастись вдвоем?

Спасибо клонским вертолетчикам, они вошли в мое положение. Трос эвакуационной системы хлопнул меня по плечу в тот момент, когда Муть уже стала вровень с моими подошвами, а табличку «ПРОХОДА НЕТ» полностью поглотил лохматый отросток, выползающий из скальных ворот.

Попробуй еще этого лейтенанта подцепи...

Сперва – зашелкнуть пояс... теперь – пропустить лямки через подмышки...

Пока я с ним возился, Муть сквозь ботинки начала лизать мне пятки. Какое-то двойственное ощущение – одновременно увлажняет и покалывает...

К сожалению, эвакуационная система была у них только одна.

Ну хоть лейтенант в безопасности...

Не дожидаясь, пока они вытянут трос и отцепят Злочева, я дал волю чувствам. То есть – рванул с места на третьей космической скорости, стремясь поскорее уйти от Мути на своих двоих.

Я бежал вверх, уже не обращая внимания на слитный вой автоматов, которые теперь били с плато в три десятка стволов. В толще Мути ухали разрывы мин, реактивных гранат, вспышки выхватывали из ее клубящегося нутра уплотненные структуры, похожие на витые свечи...

Все это уже не впечатляло.

Не было у меня никакого «дурного предчувствия». Не было. Да и какие могли оставаться предчувствия, когда все самое плохое, как мне казалось, уже произошло?

Но приключение не закончилось.

Оторвавшись от Мути на расстояние, которое казалось мне безопасным, я, тяжело дыша, остановился передохнуть и прижался спиной к скале.

Удар!

Скала задрожала, как дерево на ураганном ветру.

При свете яркой вспышки я увидел, что рукава мои по локоть в крови.

Через секунду на скалу обрушился град мелких осколков. Рысая из стороны в сторону, промчалась по склону ревушей кометой вырванная взрывом турбина.

«Вертолет!»

Почему он разбился – не ведаю. Знаю одно: так погиб Костадин Злочев, лейтенант ГАБ.

Глава 4

Кенигсберг

2618 г.

Кенигсберг, Российская Директория

Планета Земля, Солнечная система

Кенигсберг испугал Таню своей величиной.

Удивил пронзительной голубизной неба.

Озадачил дороговизной и опечалил погодой.

С последним бороться было невозможно. Оставалось лишь приобрести зонтик и притерпеться к необходимости помнить о плаще и свитере даже летом.

С дороговизной Таня пыталась бороться посредством строжайшей экономии (в основном – на питании).

Небом она молча восхищалась. А величину мерила шагами. Днем и ночью.

Ей выделили холодную светлую комнату в общежитии. Комната находилась на последнем, восемнадцатом, этаже, под самой крышей.

«Если поступишь, дальше тоже будешь жить здесь», – объяснила Тане комендант общежития Клавдия Гавриловна, нажимая на слово «если».

В комнате имелись две кровати, визор, шкаф для одежды и обуви с незаменимой в хозяйстве встроенной чистой-сушилкой. А также два ободранных письменных стола, на которых пылились древние планшеты. Возле планшетов оцетинились карандашами стойки для письменных принадлежностей, выполненные в виде ежей.

На выкрашенных в розовый цвет стенах чванились портреты знаменитых ученых – над Таниной кроватью красовалась фотография похожего на седого пса Альберта Эйнштейна.

Противоположную же стену украшала репродукция портрета Вималананды Смасантары, гениального создателя вакцины от СПИДа. Индус походил на молодого орангутанга, находящегося в глубокой медитации.

В комнате было все, о чем может мечтать нормальный абитуриент: поспал на кровати, сделал зарядку, подражая молодежью тренерше из визора, надел одежду, за ночь отменно высушившую в шкафу, и сел за стол готовиться к вступительным экзаменам.

А если вдруг напала неодолимая лень – тогда посмотрел в озорные глаза Эйнштейна, устыдился, какое ты пока ничтожество, – и айда готовиться с удвоенным рвением!

Или так: глянул на портрет Смасантары и подумал: кто-то же должен спасти Великорасу от вируса волчьего гриппа точно так же, как в двадцать первом веке мудрый индус спас человечество от СПИДа? А вдруг это как раз и буду я, выпускник Кенигсбергского государственного университета?

Но Тане не нравилось смотреть на портреты.

И сидеть за письменным столом ей тоже не нравилось. Заниматься в пыльной узкой комнате ей было не вмоготу. Сказывалось привольное житье на Екатерине, где Таня успела накрепко привыкнуть к свежему воздуху.

Таня складывала в свой выдавший виды, еще школьный рюкзачок учебники, зонтик и пакет с бутербродами, запихивала во внутренний карман джинсового плаща мини-планшет и вкладывала в уши розовые горошины плеера, в котором крутилась обучающая программа по культурологии. Увесисто гремела обшарпанная дверь пожарной лестницы у нее за спиной, а она уже неслась по ступеням вниз, перескакивая через две, через три – даром что восемнадцатый этаж и можно подождать лифта.

Главное – это никого и ничего не ждать. Главное – поступать так, как считаешь правильным, и не упускать ни одной минуты общения с чужим, но таким уже любимым городом, похожим на рыхлого морского зверя с умными глазами...

Так думала Таня Ланина в день, когда ей исполнилось семнадцать лет. По гороскопу Таня Ланина была Раком.

Так и вышло, что к вступительным Таня готовилась по преимуществу в центральных скверах, сквериках и парках.

В первые же две недели таких занятий ею было выведено занятное правило: на острове Кнайпхоф возле кафедрального собора лучше всего идут религиоведение и философия.

У памятника Пушкину – история России.

Возле Музея минералов, арка над входом в который выложена янтарями с двенадцати планет, «сама собой» учится история колонизации...

А в «Семи гномах» – недорогой, но уютной кондитерской на Литовском валу – ничего не учится. Да ничего и не хочется учить.

Там хочется пить чай с пирожными, читать стихи и мечтать, положив захватанный томик Кибирова на тесно обтянутые джинсами колени.

Именно в этой кондитерской Таня и познакомилась с поэтом, носившим красивую фамилию Воздвиженский. (По паспорту поэт звался Пеньковым. Впрочем, этого Таня Ланина тогда не знала.)

У поэта была ухоженная шелковая борода, длинные темные волосы, довольно редкие и на висках уже посеребренные сединой. Он был невысок, полноват, носил длинный черный плащ и широкополую шляпу. На вид ему было лет тридцать пять.

Талию на плаще Воздвиженского обозначивал широкий кожаный пояс с крупной анодированной пряжкой, а шляпу он весьма галантно приподнимал, заведя на другой стороне улицы знакомую или приятеля.

С отрешенным выражением лица поэт подсел за Танин столик у окна и осведомился:

– Читаете?

– Угу, – отвечала Таня, не отрываясь от книги.

– А ведь Кибиров, в сущности, плохой поэт! Отвратительный даже! – уверенно заявил Воздвиженский, выпячивая мясистую красную нижнюю губу. Так он делал каждый раз, когда готовился сказать нечто, как он выражался, эпохальное.

– Угу, – бездумно отвечала Таня.

– Он повел русскую литературу в ложном направлении, – закуривая сигарету, азартно продолжал Воздвиженский. – Подобно своему старшему современнику Бродскому, он призывал читателя к тому, чтобы анализировать свои чувства, расчленять их, словно под микроскопом. Вместо того чтобы упиваться ими! Петь им хвалу! – Воздвиженский сделал патетический жест.

Только тут до зачитавшейся Тани наконец дошло – перед ней уже три минуты сидит бородастый незнакомец, этот незнакомец говорит о Кибирове, и притом говорит нечто неглупое!

Таня отложила книгу и внимательно воззрилась на гостя.

За две недели чаевничанья в «Семи гномах» Таня успела привыкнуть к тому, что если за ее крохотный столик и подсаживается представитель противоположного пола, то вариантов развития событий ровно два: либо представитель желает познакомиться, либо произошла ошибка и он всего лишь принял Таню за другую. («Вы, случайно, не Леся Кукуева, с которой я переписываюсь?» – «Нет, я не Леся Кукуева». – «А жаль... Вы такая симпатичная!»)

А тут – Кибиров, русская литература... Неужели это еще кому-то, кроме нее, интересно?

– Не знаю, как насчет чувств, – Таня робко прочистила горло, – но мне Кибиров очень нравится. Это мой любимый поэт, не только двадцать первого века, но и вообще, – с нажимом на «вообще» отвечала Таня.

– Я так и понял, – важно кивнул Воздвиженский, выпуская в лицо собеседнице облако сигаретного дыма. – По вашему выражению лица. Хотя я предпочитаю не употреблять слово «нравится», когда речь идет о поэтических материях.

– А какое слово вы употребляете?

– «Актуальность»! Поэт не должен нравиться, он должен быть актуальным!

– В таком случае самое лучшее стихотворение – это передовица в газете. Про то, что Великораса должна сплотить ряды и крепить оборону... А еще лучше – про очередное снижение цен на деликатесные морепродукты и домашние криосауны...

– Фи, какая вы грубая! Я ведь говорил об актуальности для души... А вы о морепродуктах толкуете, – нахмурил свои кустистые брови Воздвиженский.

С этими словами поэт встал с вертящегося стула, смерил Таню нездешним взглядом и, уже на ходу бросив «оревуар», удалился в направлении бара.

Его появление шумно приветствовала сгрудившаяся вокруг двухлитровой бутылки французского коньяка компания.

На третья компания состояла из увядших востроносых дамочек, а на оставшиеся две трети – из лысеющих желтозубых господ в замшевых куртках с потрепанными кожаными портфелями, юношей с нечистой кожей и горящими взорами и старательно молодящихся господ в пиджаках со «стильными» кожаными заплатами на локтях. В общем, из публики, каковой полны все кенигсбергские редакции – от академических до народно-хозяйственных, вроде «Колонизатор-хлебопашец».

Таня проводила поэта недоумевающим взглядом – разговор, по ее мнению, только начался, а он взял, да и оборвал его на полуслове, – и снова вернулась к Кибирову.

На морозном стекле я твой вензель чертить не рискую —
пассажиры меня не поймут, дорогая Е.Б.

Дочитав «Романсы Черемушкинского района», Таня ласково закрыла книгу и принялась собираться.

Во-первых, было уже поздно – десять часов. А послезавтра, между прочим, первый и самый коварный вступительный – диктант по русскому!

А во-вторых, что-то важное этот странный бородатый человек в ее славном вечере в кондитерской сломал. Не читалось ей больше!

Таня оставила официантке на чай, сложила в рюкзачок ручку и блокнот, служивший по совместительству и телефонной книжкой, и дневником, как вдруг под стаканом из-под чая обнаружила визитку.

ВОЗДВИЖЕНСКИЙ МИРОСЛАВ

поэт и просто хороший человек

На оборотной стороне имелся телефон и зачем-то изображение ангела с трубой.

А также приписка ажурным курсивом: «Звоните, если станет грустно».

Таня не сразу сообразила, что это мужчина в шляпе оставил ей визитку перед тем, как уйти. Но с какой целью?

«Ну и тип! Оборвал разговор, ушел, а визитку оставил. Может, просто забыл ее случайно?»

Тогда Таня еще не знала, что вот уже десять лет поэт Воздвиженский регулярно практиковал именно такой способ знакомства с прекрасным полом.

Таня вложила визитку в блокнот – не оставлять же ее на столе! Но позвонить, разумеется, не позвонила.

И вовсе не потому, что ей никогда не бывало грустно.

Иногда, особенно по вечерам, ей становилось так одиноко, что она была почти готова, наплевав на свою экономию, сломя голову нестись на первый этаж общежития, где имелась кабинка дальней связи, лишь бы только услышать родной и знакомый голос. Мамин, папин или, на худой конец, Кириухин.

Пожалуй, если бы не Тамилла, которая прилетела на Землю одним рейсом с Таней, она и впрямь докатилась бы до того, чтобы звонить родителям каждый вечер. Но Тамилла скрашивала Танину тоску по людям.

Как и Таня, Тамилла приехала в Кенигсберг, чтобы поступать.

Впрочем, поступала она не в университет, а в хореографическое училище. Как и Таня, Тамилла жила в общежитии. Как и Таня, скучала по войлочному небу Екатерины и зеленому шелесту листвы, ритмичному, как шум земного прибора.

Впрочем, на этом сходство между Таней и Тамиллой заканчивалось.

И начинались различия.

В отличие от Тани Тамилла сразу же завела себе десяток разбитных подружек среди таких же, как она, поступающих. И скоренько познакомилась «с одним парнем», который оказался способным учеником третьего курса училища, подающим надежды танцовщиком Вениамином.

Тамилла не получала никакого удовольствия от прогулок по городу и называла его «каменным вампиром». Танины же восторги относил к романтическим бредням и не упускала случая подшутить над ее восторженностью, которая представлялась Тамилле провинциальной. Впрочем, делала она это совершенно незлобиво, и Таня не обижалась.

Вдобавок ко всему Тамилла совершенно не рвалась экономить – это так *провинциально!*

Отец Тамиллы, обожавший свою единственную красавицу дочку, выделил на ее поступление изрядную сумму. Эта сумма предполагала, в частности, съем хорошей квартиры в центральной части города («Ведь ей же надо каждый день упражняться! В общежитии ей будут мешать!»).

Квартиру Тамилла снимать не стала. «В общежитии в сто раз веселее!» – считала она. Хотя родителям сообщила, что сняла.

Таким образом, в распоряжении Тамиллы оказались изрядные, по девчачьим меркам, «неучтенные», совершенно свободные денежные средства.

Тамилла тратила их, не скупясь. На элегантную одежду, удобную стильную обувь (а ведь к обуви у балетного люда особое отношение!) и на деликатесы, предпочитая по возможности те, от которых не слишком поправляются.

По городу Тамилла перемещалась исключительно на такси, никогда не забывая попросить шофера поляризовать задние стекла. «От этих туч у меня начинается мигрень! Не хочу их даже видеть!» – объясняла она Тане.

Рядовое Тамилино утро начиналось в дорогом оздоровительном салоне «Единственная». Там, раскинув тонкие сильные руки на массажном столе, накрытом черной атласной простыней, она млела под нежными прикосновениями смазливового массажиста Марата. А затем, вдыхая аромат иланг-иланга, способствующий гармоничному протеканию физиологических процессов, смотрела видеокурс «История русского балета»...

С тайным восхищением Таня наблюдала за тем, как прямо на ее глазах из провинциальной балеринки Тамилы, будто бабочка из куколки, вылупляется шикарная вертихвостка, умеющая окоротить любого нахала одним холодным взглядом, различающая на вкус двадцать шесть сортов минеральной воды и перед сном растирающая натруженные ножки кремом для лица ценой в повышенную студенческую стипендию за наперсток.

Впрочем, с Таней Тамилла никогда не позволяла себе никакой наигранной «столичности». Может быть, потому, что столичность тоже приедается. Как осетрина.

Напротив, в ее обществе Тамилла старательно делала вид, что они обе остались такими же, какими были на Екатерине, – наивными и простыми. Бывало, она приходила в общежитие к Тане с тугим пакетом вкусностей в правой руке и с тощим пакетом, меченным эмблемой сногшибательного бутика, в левой. В этом, втором, пакете обыкновенно лежала какая-нибудь кофточка, купленная под настроение, но после замужества как «не то».

И тогда они устраивали пир горой с розовым новосветским шампанским, итальянскими сырами и кишиневской черешней.

Пир плавно переходил в вечер воспоминаний и откровенных признаний («А знаешь, Венечка сказал, что у него до меня никого не было! Представляешь?»).

А вечер, как река, медленно впадал в ночной кинозал. Они смотрели по визору комедии, музыкальные передачи и проблемные говорильни, налегая на «Если ты нелюбима» и «Скажи мне правду».

А потом, далеко за полночь, девушки засыпали, крепко обнявшись, на Таниной полуторной кровати, благо обе были худышками. Чтобы утром снова разбежаться по своим неотложным абитуриентским делам.

Вечер в обществе чирикающей без умолку Тамилы отбивал у Тани охоту общаться с кем бы то ни было как минимум дня на три.

И вовсе не потому, что Тамилла говорила глупости – хотя глупости она тоже говорила. Просто от своей любви к тишине Таня не смогла избавиться, даже превратившись в жительницу восьмимиллионного балтийского мегаполиса.

Впрочем, по мере приближения последних вступительных экзаменов Тамилла навещала ее все реже. Ей приходилось сгонять жир, подтягивать теорию и готовить сольную вариацию из третьего, «черного» акта «Лебединого озера». Для итогового просмотра.

«Если бы ты знала, Танька, какой это ужас! Там трюк на трюке! Три тура с пятой, нога открывается, тур в аттитюд, потом фуэте и две быстрых диагонали!...» – жаловалась Тамилла. Таня гладила ее по русым волосам, утешала, а через пять минут будущая звезда балета уже убегала, чтобы вновь появиться только в следующий вторник.

Но заскучать без нее Таня не успела. К ней в комнату подселили основательную девушку по имени Люба. Она тоже поступала – на педагогическое отделение филфака.

Поначалу Таня немного расстроилась – ведь она привыкла считать комнату едва ли не своей собственностью. Но вскоре привыкла.

Как выяснилось, присутствие Любы несло с собой множество неоспоримых плюсов.

Люба отлично готовила и делала это с удовольствием. Лентяйка и белоручка Таня только и знала, что нахваливать кулинарные изыски новой подружки.

Но главное, Люба, отучившаяся в спецшколе с углубленным изучением языков, взялась безвозмездно подтянуть Таню по этим дисциплинам. И тем самым подготовить ее к завальным вопросам экзамена по «Культуре внеземных цивилизаций» – языку и литературе чужаков.

Именно благодаря Любе Таня КВЦ и сдала.

Ей попался билет с вопросом о брачных церемониях чоругов, ракообразных соседях Великорасы.

Надо же, какая удача! Буквально за завтраком они с Любой хихикали как раз над этой темой из обязательного экзаменационного списка!

Войдя в некое подобие медиумического транса, Таня начала вещать:

– После этого жених-чоруг подходит к первосвященнику и, глядя на свою жену, провозвещает:

Да будет сия самка принадлежать мне,
а через меня – и отцу моему любезному,
и брату моему старшему,
и брату моему среднему,
и брату моему младшему,
и общинникам, знающим труд,
и общинникам, знающим веру,
и общинникам, знающим оружие.
Да будет она принадлежать всем через меня.
И пусть свершится сие многократно!

– Достаточно, девушка, достаточно! – удовлетворенно хмыкнув, сказала молодая женщина-экзаменатор. – Давайте второй вопрос!

С другими экзаменами Тане тоже повезло, словно бы кто-то там, на небесах, задался целью всенепременно сделать из нее студентку.

Диктант она удачно списала у соседа, большеголового гения с Большого Муром. А обе истории (Колонизации и России) вызубрила «на шесть» самостоятельно.

Не обошлось и без казусов.

На истории России благообразный профессор с бакенбардами во все щеки задал ей дополнительный вопрос по теме «Государственность и культура Советского Союза: быт, нравы, традиции».

– А знаете ли вы, товарищ Ланина, что такое самогоноварение?

– Чего-чего варение? – переспросила Таня, отчаянно хлопая ресницами.

– Самогоноварение. Вот вы сами мне сказали, что в начале правления Генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Горбачева была начата кампания по борьбе с пьянством и алкоголизмом. Верно?

– Н-ну... Сказала...

– Как известно, народным ответом на эту кампанию стал бурный рост самогоноварения. Это в любом учебнике написано.

– Ну... написано.

– Хорошо. Если вы не знаете, что такое самогоноварение, то тогда, может быть, вы знаете, что такое самогон?

– Какое-то лекарство? – робко предположила Таня. – Ну... люди начали варить это лекарство, чтобы им было легче бороться с... ну... пьянством и алкоголизмом? Чтобы организму было легче справляться с абстиненцией. Народные поверья, траволечение... Верно?

Вместо ответа профессор от души расхохотался, пробормотал «эх, молодо-зелено» и, к вящему удивлению Тани, написал напротив фамилии «Ланина» в экзаменационной ведомости «отлично».

Все складывалось как нельзя лучше, и согласно итоговой аттестации по вступительным экзаменам абитуриентка Татьяна Ланина набрала двадцать два балла из двадцати пяти возможных.

Для девочки с захолустной планеты Екатерина это было настоящим подвигом.

Еще неделю Таня ходила павой. Ведь многие коренные земляне прямо на ее изумленных глазах получали двойки, а тройки так вообще шли косяком!

У Тани даже появилось подозрение, что все дело в яйцах маффингов. «Может, они и на мозг тоже действуют?»

Впрочем, вздорную эту мысль Таня, поразмыслив, прогнала. И правильно сделала.

– Молодчина, доченька! Умница! Вся в папу! – заявил Танин отец на сеансе дальней связи. – Мы тобой гордимся! Да что там мы! Вся школа тобой гордится. Вся, можно сказать, Екатерина!

– Ты только смотри там... Не очень-то заносись! – сказала мама, утирая краем клетчатого кухонного фартука слезу радости. И тотчас, уже изменившимся тоном закоренелого прагматика, добавила: – И пока учиться будешь, присматривай себе мужика хорошего. Обязательно с жилплощадью!

Брат Кирюха был краток, как счастье.

– Термояд! – сказал он. – Чистый термояд!

Впрочем, одной вещи Таня ни родителям, ни Кирюхе не сообщила. Чтобы пройти по конкурсу на археологическое отделение факультета Истории Внеземных Культур, достаточно было пятнадцати баллов.

Пять троек – и ты уже ксеноархеолог!

По иронии судьбы, вот уже восемь лет инопланетный истфак был аутсайдером Кенигсбергского государственного университета. А археологическое – аутсайдером среди четырех прочих отделений иноистфака.

Кому в двадцать седьмом веке, когда Великораса крепит оборону, чужаки вынашивают экспансионистские планы, а в самих Объединенных Нациях усиливаются центробежные тенденции, нужны какие-то ксеноархеологи?

Ну уж по крайней мере не армии.

Кстати, об армии.

Военных в Кенигсберге оказалось на удивление много.

Людьми в форме – серебристо-черной, сталисто-голубой, фисташковой – кишмя кишели окрестности морпорта. Фуражки, береты и пилотки покачивались у касс Музея Мирового Океана, военные азартно аплодировали с галерок Драматического театра, пили теплый бульон в кафетериях и вразвалочку расхаживали по Московскому проспекту.

Особенно много было кадетов. И неудивительно: одних военных академий в Кенигсберге имелось четыре штуки.

Их питомцы – коротко стриженные, молодые и нескладные – в свободное от учебы время слонялись по городу, дружно гоготали в пивных и пытались знакомиться со всем, что шевелится.

Однажды утром к Тане Ланиной, совершавшей экскурсию по Ботаническому саду, подошел робкий юноша и, зачем-то козырнув, спросил: «Сколько времени?» Когда он, получив точный ответ, осведомился: «А свободного?», Таня дала себе зарок никогда не знакомиться с военными. Робкий юноша был пятым по счету кадетом, справившимся у нее о времени в то утро.

«Слишком уж они энергичные и настырные. А на уме – одни пошлости. Фантазии нет. Никакой», – думала Таня и, высоко задрав нос, проходила мимо очередной компании в форме.

Но главное (впрочем, об этом Таня не говорила никому, кроме Тамилы), она совершенно не представляла себе отношений с человеком, который поступил в учебное заведение, основной наукой в котором является наука убивать. Людей ли, чужаков ли – не важно.

В общем, в Кенигсберге Таня сделалась убежденной пацифисткой.

Что было достаточно оригинально, ведь редкий газетный заголовок в те дни обходился без слова «война». В том году речь шла о возможной оккупации Большого Мурوما, который заявил о своем окончательном выходе из Объединенных Наций и ликвидации иностранных баз

на своей территории. Базы принадлежали российскому флоту, имели фундаментальное стратегическое значение и обошлись державе в неприлично огромную даже по военно-космическим меркам сумму.

Но пушки все-таки промолчали. Совет Директоров смог добиться от Правильного Веча приемлемых уступок при помощи одного из лучших дипломатов своего времени адмирала Тылтыня – к слову, уроженца Мурома.

Но привкус, сталистый привкус страшной и нелепой войны, в которой убивать друг друга будут люди, собраты по Великорасе, остался.

Прошло полгода. Таня сдала первую сессию без троек и наконец-то почувствовала себя полноценной студенткой.

Окончание семестра они с Тамилей отметили в ресторане «Категорический императив» (само собой, на Тамилины деньги).

Они пили низкокалорийное пиво, закусывали сухариками, облеченными в горячий сыр, лакомились фруктовыми салатами и говорили «за жизнь».

Тамила, со времени поступления успевшая сменить занудного трудоголика Вениамина на своего одноклассника Анатолия («Он просто бог танца! Как Нижинский!»), щебетала соло-вьем.

Не обходилось и без философских обобщений:

– Хотя все мужики сволочи, мой Анатолий совсем не такой. Он любит только меня. И, представь себе, мы еще ни разу не целовались! Ни разу! Ты только подумай – какой адский термояд!

Наворачивая салат с голубыми креветками из пресного океана планеты Мекана, Таня методично кивала подруге. Мол, гипер, гипертермояд.

Тамила каждый раз влюблялась «раз и навсегда».

Каждый раз говорила: «У нас с ним, по-моему, серьезно». Но не проходило и двух месяцев, как серьезность куда-то улетучивалась.

С Анатодем получилось так же. Впрочем, на этот раз не по вине Тамилы. Довольно скоро выяснилось, что к Тамиле Анатолия влечет «как к человеку, а не как к женщине».

И что куда более его влечет к Эстебану Пинкола-Мартинесу, жгучему брюнету-испанцу, учившемуся на том же курсе по программе обмена творческой молодежью.

Что ж, среди людей балета такое случается сплошь и рядом...

Восьмое марта Тамила и Таня отмечали в обществе бутылки молдавского вермута «Кувшин Овидия».

Томная, воздушная Тамила рыдала у Тани на груди, и все было как раньше (Люба улетела на праздники в Ялту со своим парнем, кадетом-подводником).

А Таня, вдыхая нежный запах свежей мимозы, изрядную охапку которой преподнесла ей Тамила, размышляла над невеселыми своими обстоятельствами.

Например, над тем, что с Международным женским днем ее поздравили только двое мужчин – папа и Кирюха. Ну, если посчитать еще официальные поздравления куратора их группы профессора Шаровцева... Тогда – трое мужчин.

И в Оперный театр ей пойти не с кем. Не говоря уже о Ялте...

Наконец, пожелай она посетовать, как Тамила, на то, что все мужики сволочи, даже посетовать как следует у нее не получится! Потому что «мужиков» она совсем не знает – ни сволочей, ни херувимов.

Не считать же папу и Кирюху, в самом-то деле?

В школе у Тани не было романов – нежные объятия с маффлингами не в счет.

Но ведь и в университете она тоже ни с кем не познакомилась! А как же молодость, которая пройдет? А как же одинокая старость?

Вдруг она и есть тот самый «синий чулок», превращением в которого пугают всех способных к наукам девочек? Вдруг Люба права и просто нельзя быть такой гордячкой? А может быть, у нее что-то не в порядке с сексуальной ориентацией? Может быть, она... лесбиянка? И Тамила нравится ей не как подруга, а как... женщина! Вот нравится же Анатолю Родригес или как его там, Мартинес?

«Да, с личной жизнью нужно что-то решать...»

С такими мыслями Таня встретила свое восемнадцатилетие.

* * *

Поэт Воздвиженский вновь появился в Таниной жизни, когда она сдавала третью по счету сессию.

К четвертому экзамену ее гардероб – сплошь состоявший из джинсов с водолазками – насквозь пропылился библиотекой. В их с Любой общей комнате стоял запах трудового пота, такой отчетливый, что даже аромат новогодней елки, подмигивающей гирляндами с подоконника, восторжествовать над ним был не в состоянии.

Впрочем, чему удивляться?

Таня поставила перед собой цель сдать сессию на отлично. И со свойственным себе фанатизмом этой цели добивалась.

После двух экзаменов и без того шуплая Таня похудела на четыре килограмма. Темные корни волос отросли на неприличную длину в три сантиметра. Это было чересчур – не только по придирчивым Тамилиным меркам, но и по снисходительным Таниным. Но где взять время на возню с этим вонючим «Бельком»?

Однажды вечером сердобольная Люба не выдержала.

– Слушай, ну сколько можно зубачить? – спросила она. – От работы кони дохнут. Не в курсе, что ли?

– А варианты? – Таня нехотя оторвалась от экрана планшета, где вращалась похожая на сэндвич модель Голубинога Саркофага с планеты Авлида. Она готовилась к последнему экзамену – «Практика полевых исследований».

– Ну... Можно, например, пойти в синемашку.

– Ненавижу синемашку! Пустая трата времени. «Взиу! Ввизззиу! Ч-чух». – Таня небес-таланно изобразила стрельбу из чоругского бластера. – Мозги по стенам, ни фига не понятно, но пограничники рулят!

– Не обязательно же на боевики ходить...

– А на что тогда ходить? Может, на мелодрамы? Так они ведь еще хуже! «Я любила тебя! Но ты предал мою любовь! Ы-ы-ы-ы!» Одни сопли... – Голос Тани звучал ожесточенно.

– Можно сходить в кондитерскую, чаю попить с эклерами.

– Я на диете.

– С каких пор, интересно?

– С сегодняшнего вечера, – буркнула Таня. – И вообще, что ты ко мне прицепилась?

– Ну у тебя и хара-а-ктер...

– Какие есть – такие есть!

– Пошла бы хоть погуляла... Может, с кем-нибудь познакомилась бы...

– Ага. В такую погоду познакомишься, как же... С песиком бродячим, с Шариком. Или с Дружком. А что? Чем не сюжет для мелодрамы? «Таня и Дружок». В конце оба умирают от чумки. – Таня устало уронила голову на руки, но вдруг встрепенулась и нервно добавила: – И, кстати, с чего ты взяла, что я вообще хочу с кем-то знакомиться?

– Знаешь, Танек... Только ты пойми меня правильно... – вкрадчиво начала Люба. – В Великой Конкордии есть такое общество для молодежи – «Чистая земля».

– Слышала. Это которые убирают везде за бесплатно, что ли?

– Да нет, убирают материализаторы. Материализаторы Абсолютной Чистоты. А парни и девушки из «Чистой земли» – они другую чистоту блюдут. Половую, – пояснила Люба. – Я когда в Хосрове была, мне сунули проспект пропагандистский... Там такие лозунги были!

– Лозунги?

– Ага. «Воздержался сегодня – воздержись и завтра!» Или такое: «Кому по силам воздержаться – легко за Родину сражаться!» Они там и среди семейных пар соревнования устраивают. Кто дольше воздержится.

– Ай молодцы, – угрюмо процедила Таня. – Только к чему ты мне все это рассказываешь?

– Да ни к чему. Просто хочу знать, не вступила ли ты, случайно, в ряды общества «Чистая земля»? Не попала ли в сети коварной конкордианской пропаганды?

В комнате повисла неловкая пауза.

Таня тупо пялилась в планшет. Нарядная, праздничная Люба наматывала на шею нежный белый шарф из ангорской шерсти, примеряла у зеркала пушистый берет, тоже белый...

Вдруг Таня резко повернулась к Любе. Щеки ее пылали.

– Ну а что ты предлагаешь, Люб? Что? Вот ты конкретно что-то предлагаешь? Или тебе просто поиздеваться надо мной хочется?

– Издеваться не люблю и не умею. За издевательствами к комендантше лучше обращаться, к тете Клаве. Это раз, – строго сказала Люба. – И я тебе совершенно конкретно предлагаю пойти со мной. Это два.

– А куда это ты собралась?

– В культурный центр «Перископ». На литературный вечер. Мне там Андрюха свидание назначил!

– С каких это пор твой подводник интересуется литературой?

– Литература ему до лампочки, – простодушно ответила Люба. – Просто народу на вечере ожидается много. Вот их группу в полном составе и отрядили, чтобы следили там за порядком. А вдруг господа-поэты вздумают безобразничать?

– А-а, понятно... Так себе и представляю – половина народу пьет портвейн в буфете, а вторая половина употребляет прямо в зале, под чтение стихов. Носы красные, перегаром несет... А бедным кадетам все это карауль!

– Какая же ты все-таки язва!

– Такая уродилась! И если кому-то не нравится, я себя любить совершенно не заставляю! – С этими словами Таня вновь уставилась в экран и с наигранным энтузиазмом принялась рассматривать вторую резную крышку Голубинога Саркофага.

Крышка была искусно инкрустирована лазуритом уникального химсостава, залегающим, между прочим, на соседней от Авлиды планете Каринтия. Каким образом, дорогие товарищи, лазурит с Каринтии очутился в распоряжении декораторов саркофага, творивших в доиндустриальную эпоху, при полном отсутствии не только ракето-, но и самолетостроения? Правильно, товарищи. Перед нами – еще одна загадка ксеноистории!

Таня была уверена, что Люба непременно обидится и уйдет на свой вечер, громко хлопнув дверью.

Но ничего не нарушило тишину комнаты. Лишь за спиной у Тани деликатно заскрипела половица.

– Ну, Танюшка, ну, зайка... Не будь же ты такой противной! – ласково пропела Люба, касаясь своей напудренной щекой Таниной горячей шеи. – Пойдем со мной. Развеешься.

Глава 5

Наедине с Глаголом

Февраль, 2622 г.

Долина реки Стикс-Косинус

Планета Глагол, система неизвестна

А 23 февраля, в День Армии и Флота, случилось чудо. Самое настоящее.

Нет, Злочев не воскрес. И не спустились к нам с небес чины ангельские, чтобы сокрушить огненными мечами нерусь и нежить в лице майора-воспитателя Кирдэра, коменданта Шапура и их насупленных подчиненных. И даже в столовой нас кормили чем всегда – кебабами и киселем.

И все же...

...Она висела на стене нашего барака. Как раз напротив двери.

Она привлекала взгляды – как и всякая красавица.

Она была проста, как и все по-настоящему ценное. Незамысловата, как правда.

И неудивительно, что мы смотрели на нее – на нашу стенгазету – во все глаза.

Мы не сразу решились подойти к ней поближе. А когда подошли, то долго рассматривали ее в почтительном молчании. Читали и перечитывали. Охали и ахали.

И, уверен, каждый из нас втайне размышлял о том, как отблагодарить лейтенантов Покраса и Мухарева за... уверен, не только я затруднялся в выборе единственно верных слов.

«За поднятое настроение»? Нет, все-таки настроение – это что-то сиюминутное.

«За встречу с прекрасным»? Но хотя наша стенгазета и была прекрасна в каком-то высшем смысле, не требовалось безупречного вкуса эстета Бабакулова, чтобы признать, что портреты Соколова куда прекраснее карандашных рисунков Покраса.

В таком случае за что же мы должны были благодарить лейтенантов Покраса и Мухарева?

Подходящую формулировку я подобрал лишь спустя несколько часов, попав в пренеприятную переделку. «За возвышение воинского духа». Вот за что.

Размером наша стенгазета была где-то метр на полтора.

Вверху алела надпись «23 февраля». Под ней буквами поменьше было написано «Служу России!». Рядом вился на карандашном ветру наш родной триколор.

Под тщательно выполненной шапкой – Покрас рисовал карандашами, позаимствованными в культблоке (красок там, увы, не нашлось) – помещались материалы, написанные Мухаревым.

Когда я как следует рассмотрел нижний правый угол, у меня дыхание сперло. Потому что там, записанный округлым мухаревским почерком, располагался рассказ о приключениях лейтенанта Пушкина на борту яхты «Яуза». Причем с картинками! С самыми настоящими! Числом две.

На первой я, нарисованный вполоборота к зрителю, объясняю стратегическую обстановку двум носатым балеринам (их груди, хотя и скрытые корсетами платьев, были проработаны с особым тщанием – чувствовалось, художника интересовала «фактура»), а на заднем плане маячат два окарикатуренных клона-автоматчика со зверскими лицами. Их головы и шеи – практически одинаковой ширины.

На второй картинке я, вполне узнаваемый я, держу под прицелом вражеского офицера женского пола (видимо, Риши).

Риши в исполнении лейтенанта Покраса, конечно, на себя была несколько не похожа – невысокая, быковидная, с черными широкими бровями, сросшимися в одну сплошную мохнатую ленту, непригожая и хмурая, в общем – само воплощение всего отталкивающего, что может быть в конкордианских демах. Но я был готов простить Покрасу эту художественную вольность. Откуда ему знать, что женщины-офицеры Конкордии бывают хрупкими, чувствительными и ранимыми? Да и нужно ли ему знать такие вещи, ведь этих женщин, как и мужчин, ему еще, возможно, придется убивать?

Материал Мухарева – о герое Пушкине – был написан по мотивам моих вечерних рассказов. Стиль изложения слегка прихрамывал – даже мой полуграмотный кадетский глаз легко находил ошибки. Взять хотя бы последние фразы репортажа: «Догорало пламя, в дверном проеме показались два штурмовых скафандра, это были клонские офицеры Даш и Марабхен». Но кому было дело до этого стиля на планете Глагол? Правильно, никому.

Ходеманн, Ревенко, Гладкий и еще кое-кто из наших эту историю уже слышали. Но остальные-то нет! В общем, я сразу приосанился. Приятно, черт возьми, стать героем литературы!

Имелись в нашей газете и злободневные стихи.

Стихи были вписаны в комиксовый бабль-гам, заостренный кончик которого упирался в губы молодцеватого парня в пилотке набекрень. Из-под пилотки на лоб героя спускался кудрявый чуб. В его правой руке дымила сигарета без фильтра. Вид у парня был, как и положено острословам, лихой и придурковатый. Озорно глядя на зрителя, парень как бы произносил:

Уверен генерал хосровский,
Что здесь ашвантом стану я.
Но сам я выучки московской —
Не верю в сказки ниюя!
И до меня, как до жирафа,
Доходят мудрости слова.
Пусть лучше стану я собакой,
Чтоб мне молилися. Ав-ав!

Левая рука парня, в чертах лица которого можно было заметить сходство с самим лейтенантом Покрасом (видимо, несостоявшегося ашванта он рисовал с себя, стоя возле зеркала у входа в барак), была свернута в наглую фигу. Эту самую фигу он нам и показывал.

Впрочем, мы-то знали, что показывает он фигу вовсе не нам! А совсем-совсем другим людям – вроде хосровских генералов! Вот, дескать, господа хорошие, наш ответ на вашу программу нравственного просвещения! Просветились – мама, не горюй!

Парень в пилотке оккупировал центр стенгазеты – видимо, Покрас и Мухарев справедливо полагали стишок «ударным» номером. И не зря!

Как только текст был прочитан, грянул хохот. Да такой, что в бараке задребезжали стекла.

Про собаку – почитание которой было обязательным в религии Клона и рассуждениями о коей нам чуть ли не каждый день проедал плечи майор-воспитатель Кирдэр – вышло особенно смешно. Мы долго не могли утомониться.

– С сегодняшнего дня называйте меня Собакой Ав-Ав! – перегибаясь пополам от хохота, простонал Ревенко.

– А меня аш-ав-антом, – хихикнул Тихомиров.

– Гут! Гут! Дер абзац! – надрывался Ходеманн. Его разговорный русский был далек от эталонов, преподанных нам Кушниром и Баратынским, но, чтобы разбирать такие вирши, языковых познаний Ходеманна вполне хватало.

– Крепко сказано, м-мать! – гоготал Меркулов. – Надо будет переписать!

– Вот спросит меня завтра Кирдэр, почем фунт хфрастров на хосровском рынке или там, к примеру, как понимать такую-то белиберду из «Ясны», – вторил Меркулову Лева-Осназ, – а я ему в ответ скажу, что «до меня, как до жирафа, доходят мудрости слова». Не сердитесь, ашвант Кирдэр, классик так сказал...

– ...великий русский поэт Мухарев!

– Га-га-га! – откликался барак.

Но самый оригинальный комментарий выдал лейтенант медицинской службы Айзек Хиггинс, единственный негр в нашем нетесном кругу. В российской армии он служил по контракту как специалист в редкой области – Хиггинс занимался конкордианскими отравляющими веществами замедленного действия. Хиггинс попал в плен в первом же бою, с русским у него тоже были «несколько проблем»...

– Я фсье пониль, – серьезно сказал Айзек. – Не пониль один только выражение.

– ???

– Что такой «сказкини юя»? Что такое юя, ми хорошо знать. А кто есть такой товарищ Сказькин?

Но не только шуточки с прибауточками украшали нашу стенгазету. Про некролог Костадину Злочеву Мухарев с Покрасом тоже не забыли – он был помещен в уже готовую газету. Даже невооруженный глаз замечал следы торопливых исправлений, которые были вынуждены вносить ребята ради того, чтобы почтить память погибшего товарища.

И портрет Кости в черной рамке там тоже был.

Его Покрас рисовал по памяти. И, откровенно говоря, портрет многим грешил против истины. Не угадал Покрас ни с формой скул, ни с прической, ни с изгибом бровей. Оно и понятно, ведь в друзьях Покрас и Злочев не ходили, сталкивались нечасто, да и фотографий Злочева у Покраса не было – откуда? И все же главное Покрас передать смог: губы у Злочева на портрете были упрямо сомкнуты – точь-в-точь так делал Костя, когда над чем-то крепко задумывался. И взгляд на портрете был таким же, как у Кости в жизни, – цепким, ироничным.

Память Костадина Злочева мы почтили минутой молчания.

А потом пошли расспросы.

Покрас с Мухаревым рассказывали о маленьких радостях и больших трудностях, связанных с воплощением идеи стенгазеты в жизнь.

Точнее, рассказывал в основном речистый Мухарев, а Покрас – щекастый тихоня с одутловатым лицом, окончивший Одесскую Артиллерийскую Академию не по призванию, а по настоянию волевого папы-адмирала, – по большей части смущенно отмалчивался.

Раньше я вообще не обращал внимания на Покраса. Он представлялся мне тоскливым занудой из числа тех, кто в жизни интересуется по-настоящему лишь двумя вещами: питанием и сном.

На занятиях Покрас блял что-то невнятное, позоря перед майором-воспитателем честь российского мундира. В столовой вечно брал себе двойные порции. Анекдотов и вовсе не знал, о военно-политической обстановке не высказывался, в свободное время предпочитал рисовать всякую ерунду простым карандашом – местных «стрекоз», пейзажи с дахмой, волейболистов («Нет бы женщину нарисовать», – в сердцах пенял ему Ревенко).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.